

Александр ВАРГО

МОЛИТВА ОТВЕРЖЕННОГО

*Когда молишься — следи за речью:
твои молитвы могут исполниться*

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Молитва отверженного

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варго А.

Молитва отверженного / А. Варго — «Эксмо», 2015 — (MYST. Черная книга 18+)

Саня бросил работу, развелся с женой ради Татьяны. А она с холодным сердцем отказала ему. Он пытался покончить с собой, но не получилось. Вот тогда, наверное, что-то надломилось в его рассудке. Пошел в церковь и стал молить Бога, чтобы тот вернул ему Татьяну – в любом состоянии, в любом виде, хоть полумертвую... Но услышал его, наверное, не Бог, а сатана. И началось. Машину, в которой Татьяна ехала вместе со своим женихом Леонидом в ЗАГС, остановили веселые люди, переодетые в персонажей мультфильма, отвезли в какой-то сарай на отшибе, где разыграли леденящий кровь спектакль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Варго А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	6
Спустя два месяца	24
Спустя три месяца	27
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Варго

Молитва отверженного

© Варго А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Муж с женой должны быть подобны руке и глазам: когда руке
больно – глаза плачут, а когда глаза плачут – руки вытирают слезы.*
Японская поговорка

*Только несчастье раскрывает тайные богатства человеческого
ума. Для того чтобы порох дал взрыв, его надо сжать.*
А. Дюма.
Граф Монте-Кристо

Часть первая

Сердце билось как перепуганный зверек, угодивший в ловушку, пальцы нервно теребили бегунок молнии на куртке.

«Она не придет! Нет, придет, – попытался успокоить себя Александр. – Мы ведь договорились».

Да, договорились. Но... они не виделись полтора года. А их расставанию предшествовало довольно бурное и эмоциональное выяснение отношений. Еще бы! Он был женат. Двое детей, совсем еще мелких, три и пять лет. Она – свободная женщина, у которой взрослая и вполне самостоятельная дочь, на которую уже всю заглядываются молодые парни.

Но это все неважно. Не играет роли, что она старше его на шесть лет. Пусть у них обоих дети, а он все еще женат. Не имеет никакого значения, по крайней мере для него, что Таня приехала из Молдавии на заработки. Это формальная причина. Фактически она хотела получить гражданство и обрести то самое счастье, за которым в столицу ежегодно съезжаются многие тысячи симпатичных девушек.

Это все было хренью. Денин любил ее так, как никого больше в своей жизни. Чувство к этой необычной хрупкой рыжеволосой женщине, поселившееся в его сердце, можно было сравнить с рассветом, зарождающимся среди гор. С дыханием девственницы, когда ее впервые обнял любящий и любимый юноша. С теплом огня, который с трудом развели продрогшие путники посреди заснеженной пустыни.

Он любил ее, при этом где-то глубоко в душе признавался самому себе в том, что участвует в игре, как говорится, в одни ворота. Его чувства к Татьяне в разы сильнее, нежели ее к нему. Да, они не пара, и рассчитывать на что-то глобальное с этой женщиной не имеет смысла.

Но она была легкая, стройная, с искрящимися серыми глазами, изящная, как молодая кошка. От нее исходил безумный, совершенно одуряющий, присущий только ей запах духов. Когда Татьяна оказывалась рядом, кровь прилиwała к его лицу, во рту пересыхало, а джинсы мгновенно оттопыривались. В ней таилось что-то магнетическое. Она притягивала Александра как сладкий, распахнутый цветочный бутон пчелу. Сил и желания противостоять этому у него не было.

Он посмотрел на часы. Уже прошло семь минут, а ее все нет.

Она не придет!..

– Привет!

Александр поднял голову. Громадные серые глаза пристально смотрели на него. Все та же сногшибательная улыбка, милые ямочки на щеках и родинка на крыле столь милого носика...

– Куда пойдем? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Таня.

– Тут рядом ресторанчик есть... японский, – оробев, выговорил Саша. – Ты ведь любишь суши?

Она звонко рассмеялась и чмокнула его в щеку.

– Идем. Рада тебя видеть.

Александр вспыхнул. Таня заметила это, снова засмеялась, обняла.

– Я скучал по тебе, – прошептал он.

– Пойдем. Расскажешь, где ты пропадал все это время.

По пути Александр лихорадочно вспоминал фразы, заранее заготовленные для этой встречи. Вскоре они оказались в уютном ресторане. Таня уселась напротив него, сложила свои красивые ладошки домиком и неотрывно глядела на него. Он позабыл все на свете.

– Как твоё здоровье?

– Нормально, – выдавил Саша.

– Ты писал, что у тебя опухоль.

– Все в порядке. Химиотерапия, – коротко ответил молодой человек.

Он не желал обсуждать эту тему и открыл меню.

– Мне очень понравился твой рисунок, который ты передал через ресепшен. Я имею в виду мой портрет, – пояснила Таня.

К ним подошла худенькая официантка, приняла заказ и бесшумно удалилась.

– Я испортил двадцать листов ватмана, – признался Саша. – Рад, что тебе понравилось.

– Как личная жизнь? – глядя куда-то в сторону, поинтересовалась женщина.

– Гм... скоро развод.

– Понятно, – сказала Таня и кивнула.

Ее прекрасное лицо было непроницаемым, и Александр понял, что его слова прозвучали неубедительно.

Принесли заказ, и какое-то время они молча ели.

– Знаешь, – вдруг негромко сказал Саша. – Я пробовал тебя еще раз нарисовать. Уже с другой фотографии.

– И что? – негромко спросила она, цепляя ролл палочками.

– У меня не получилось. Тот рисунок, что я подарил тебе, был самым лучшим, – так же тихо сказал он.

Ролл выскользнул из палочек и упал в вазочку с соевым соусом.

Неожиданно Таня наклонилась вперед и поцеловала Александра.

– Поехали ко мне.

Он замер.

– Рита все равно у подруги, – добавила она.

Ему казалось, что Таня шутит. Вот так сразу? После полутора лет разлуки, многочисленных ссор, разборок и взаимных оскорблений?

– Твоя дочка такая красивая, – неловко сказал он. – Я видел ее фото в «Одноклассниках».

Таня вытерла салфеткой губы и стала собираться. Саша на секунду замешкался, потом последовал ее примеру.

«Она снова со мной. Со мной!» – ликовал он.

В дороге они разговаривали мало, лишь прижимались друг к другу. Денин с наслаждением вдыхал запах волос Тани, такой восхитительный, родной!

Они вышли из маршрутки на Рязанском проспекте. Ковалева снимала там квартиру для себя и дочери.

Секс был безумным, ошеломляющим. Саша буквально растворился в горячих объятиях любимой женщины, забыл обо всем на свете. Он кончил четыре раза. Лишь спустя час они, покрытые блестящим потом и тяжело дышащие, нехотя откатились друг от друга.

– Ты сумасшедший, – уняв дыхание, сказала Таня.

– Таким меня делаешь ты, – ответил Александр.

Она провела тонкими пальцами по его крепким плечам.

– Саша, мне тридцать девять лет. Впору бабушкой становиться.

– Я люблю тебя.

Таня ничего не ответила.

– Ты решила свою проблему с гражданством?

– Нет. Накопила денег, человек взял аванс, а его посадили за мошенничество. Хорошо, что не всю сумму потеряла.

– Есть какой-то другой выход?

– Я уже везде узнавала. Все очень сложно. – Она вдруг усмехнулась и заявила: – Женись на мне. Тогда через три года я стану россиянкой.

Александр открыл было рот, но тут же осекся.

Таня вздохнула.

– Я в ванну.

– Подожди!.. – вырвалось у Денина.

Он попытался схватить женщину за руку.

– Что?

Несмотря на полумрак, Саша отлично видел ее глаза. В них была усталость и ничего более.

– Я скоро разведусь. Поверь. Я сам давно хочу от этого избавиться.

– Верю. Я все понимаю, Саша. Пусти, я хочу сполоснуться.

Она ушла, а он смотрел в потолок и думал, что все это уже было.

«Да, было. Таня такая. Обнимает, целует, стонет, рвет ногтями кожу на спине, а потом неожиданно вскакивает и смотрит отрешенно, будто бы и не помнит, чего это она сейчас вытворяла. Она не верит мне и правильно делает. Потому что я лжец. Зачем я тогда придумал эту историю?»

– Чтобы удержать тебя, – шепотом произнес Саша. – И чтобы ты пожалела меня.

В ванной раздался шум льющейся воды.

Молодой человек отбросил в сторону скомканное одеяло и принялся одеваться. Внезапно зазвонил его телефон.

Жена! Саша тихонько выругался, скинул вызов, вышел на кухню, аккуратно закрыл за собой облезлую дверь и набрал номер супруги, надоевшей ему до смерти.

– Ты где?! – услышал он визгливый голос Юли.

– Я... в гараже. С Игорем пиво пьем, – с ходу вырвалось у Александра.

– Ага. Игорь твой с сиськами и в платье, да? – спросила жена и хмыкнула.

– Перестань.

– Это ты перестань. Смешно, ей-богу. Хватит, наелась уже.

– Послушай...

Но в трубке уже раздались гудки.

– У тебя ничего не поменялось.

Саша обернулся.

Она стояла, обернувшись полотенцем.

– Таня!..

– Останься со мной.

Денин кашлянул.

– Солнышко, я не знал, что сегодня у нас... ну, в общем, что мы...

– Конечно. Я же и говорю, что в твоей жизни все осталось по-прежнему. Если бы ты действительно собирался разводиться, то остался бы у меня.

Он вздохнул, не зная, что ответить.

– Иди. – На глазах женщины выступили слезы.

– Не обижайся на меня. Я тебе позвоню завтра, ладно? – промямлил Саша, обуваясь.

– Ладно.

Он попытался поцеловать женщину в губы, но она подставила ему лишь щеку.

Хлесткий морозный ветер заставил его накинуть капюшон. Осторожно ступая по скользкой дорожке, он побрел к метро.

Саше вспомнился старый советский фильм «Осенний марафон». Ситуация абсолютно идентична. Есть жена, муж, которому опостытели супружеские будни, любовница, классический треугольник. Но там – кино, а тут он, плетущийся по пустынной улице от женщины, которую действительно любил. Саша не имел ни малейшего представления о том, как надо действовать в его положении.

Собственно, выходов было два – окончательно разрывать отношения с Татьяной или разводиться с Юлей. На каждом пути таились свои подводные камни, которые пугали молодого человека. Нерешительность – вот что погубит его. Ведь так страшно менять свой уклад жизни, принимать какие-то сложные, ответственные решения, будь то развод с последующим разделом имущества или брак с женщиной из другой страны. Ни для кого не секрет, что многие мужики боятся подобных изменений в своей жизни. Они до самой старости влечат свое существование с женами, которых тихо ненавидят.

Впрочем, существовал еще один выход – оставить все как есть, но опыт подсказывал Саше, что из всех вариантов это наихудший.

Так было и в прошлый раз. Таня неоднократно намекала ему, что статус любовницы ее не устраивает, но он предпочитал делать вид, что не замечает этого и вообще все в ажуре. В результате в один прекрасный день Ковалева попросту отшила его, прислала СМС-сообщение, мол, живи своей жизнью, а меня не трогай.

Он пытался забыть ее. Все фотографии Тани были скопированы на диск, который он запихнул в самый дальний угол. Вещи, подаренные ею, Саша упаковал в коробку и отвез на дачу. Но она продолжала жить в его сердце, в мозгу, в каждой клетке тела. Александр заболел этой женщиной всерьез и надолго. Возможно, навсегда.

Хотя начиналось все вполне безобидно. Они познакомились еще в 2008 году, буквально на следующий день после Таниного дня рождения. Переписка, вроде бы ничего не значащая, стала ежедневной. Спустя полгода она приехала из Кишинева в Москву, и Саша весь день показывал ей столичные достопримечательности.

В конце лета Таня появилась уже с чемоданом, быстро нашла работу, сняла квартиру, начала обрастать связями. Тогда-то и появились шероховатости в их отношениях. К примеру, она не могла понять, почему Саша допустил рождение второго ребенка – дочки. Денин и сам не мог этого себе объяснить. Действительно, зачем рожать, точнее, делать еще одного ребенка, если ты собираешься уходить от жены? Но что сделано, то сделано.

Так или иначе, но два года назад Таня расставила все точки над «i». После безуспешных попыток вернуть ее расположение в голову Саше неожиданно пришла идея, от которой любой здравомыслящий человек покрутил бы пальцем у виска.

Он решил уйти красиво. Как в приключенческих фильмах про суперменов.

Саша отправил ей письмо. В нем он кратко описал всю полноту своих чувств к Тане, а в конце, будто спохватившись, добавил, что его семья попала в ДТП, в результате чего погибли его дети и отец. У него обнаружена опухоль мозга, которую он намеревался лечить за рубежом.

Сейчас Саша уже с трудом помнил, что побудило его написать это проклятое послание. Вероятно, причиной был врожденный эгоизм и стремление казаться лучше, чем он есть. А может, свою роль сыграла обида. Ведь до этого с ним еще никто так не обходился. Парню как-то не приходило в голову, что такое прощальное послание наверняка вызвало у Тани шок и переживания за него.

Получив от нее пинка, он решил оставить за собой последнее слово, вроде как исчезнуть при этом. Благо Москва – город немаленький, и шанс на их случайную встречу был практически ничтожным.

Саша сменил номер мобильного, попытался забыть о Татьяне и начать жить по-новому, но, вопреки всем ожиданиям, не переставал думать об этой женщине. Он ложился в постель с Юлей, а его воображение рисовало образ Тани. Саша засыпал и просыпался с мыслью о любимой. Он заводил любовниц, пытаясь применить на практике поговорку «клин клином вышибают», но все было тщетно. Каждую новую подругу он подсознательно сравнивал с Таней, и ни одна из них не стоила и ноготка ее мизинчика.

Правда, его очень корбило то обстоятельство, что она не особенно-то и пыталась выяснить, что с ним такое приключилось. Лишь задала в электронной почте вопрос, мол, какие новости, почему недоступен твой номер. И все. Потом – безразличная тишина.

Саша выдержал полтора года. Затем, в день ее рождения, напился и отправил ей сообщение, где продолжил свою сказку. Мол, с ним все в порядке, голова прошла. Он скучает по ней, да и с женой больше не живет.

Таня сразу согласилась на встречу. Ясное дело, она не подозревала, что и голова у него никогда не болела, и со своей законной супругой Саша продолжал жить под одной крышей.

Он ехал в полупустом вагоне, с отчаянием понимая, что заврался окончательно. Их отношения вновь висят на волоске.

«Я муха, которая по собственной дурости залетела в паутину. Только в моем случае я сам ее соткал. Нужно что-то делать, оставлять все как есть невозможно. Вот только что?»

Он пришел домой после полуночи, продрогший и усталый. На цыпочках пробрался в комнату, мельком бросил взгляд на мерцающий монитор. Странно, что Юля компьютер не выключила.

Подойдя ближе, он остолбенел – на экране была открыта его переписка с Таней.

Значит, жене все известно. В том, что этот сюрприз оставила ему она, сомнений нет. Он почти никогда не закрывал почту, поэтому прочесть все его письма не составило бы большого труда. Было бы желание.

Что ж, значит, завтра ему предстоит непростой разговор.

Странно, но этот факт не сильно расстроил Александра. Наверное, так будет лучше – самому мараться не придется.

«Ну да... тебе ведь слабо самому сделать что-то значимое!»

Но Саша отмахнулся от голоса, вызывающего к его совести и порядочности. В конце концов, такова жизнь. Не мы ее, так она нас...

«Хорошо, а как быть с твоим письмом? – не отставал противный внутренний голос. – Те твои самые близкие люди, которых ты вроде бы похоронил в аварии, к счастью, живы-здоровы и спят! Как ты объяснишь это ей? Или будешь всю жизнь скрывать правду?»

– Хрен со всем этим, – буркнул Саша вслух.

Этой ночью он спал плохо.

Разговор получился только на следующий день, уже вечером.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросила Юля.

Ее лицо было бледным и усталым, губы, и без того тонкие, плотно сжаты.

– Что ты хочешь услышать? – с легким раздражением поинтересовался Саша.

– Ты обманывал меня. И не первый раз, судя по всему.

Он промолчал. Это было правдой, и отпираться не имело смысла. Денин хотел было выдать: «Хочешь спать спокойно – не заглядывай в замочную скважину», но решил, что философия сейчас будет неуместна.

– Значит, ты не отрицаешь этого, – сделала вывод Юля.

– Нет.

С губ супруги сорвался нервный смешок.

– Да уж... Девять лет коту под хвост. Ты вообще понимаешь, что собственными руками разрушил семью?

– А ты не задавала себе вопрос, почему я это делаю? – вспыхнул Александр.

– Ах ты, мой бедненький!.. – Юля всплеснула руками. – Внимания тебе здесь мало уделяли, да?

– Значит, ты считаешь, что если мужика пилить с утра до ночи, то он с поднятыми лапками вокруг тебя танцевать будет? – огрызнулся Денин.

– Прости, но нормальные мужики деньги зарабатывают, а не мазней занимаются. Они рекламные листки возле метро не раздают.

– Заткнись! – взъярился Саша.

– Нормальные мужики детей в кино и театры водят, в спортивные кружки, – продолжала ледяным тоном Юля. – В конце концов, нормальный мужик бабу в постели удовлетворяет.

Саша вскочил.

– Ты... ты... закрой рот, идиотка! Давно себя в зеркале видела?!

– Ну, ударь меня!

Он с ненавистью смотрел на жену. Эта женщина, располневшая после родов, с обвислыми грудями и целлюлитными бедрами, вызывала у него лишь отвращение. Почему он раньше никак не мог сам решиться на развод?!

Судя по всему, Юля поняла, о чем думал ее муж.

– Да. Ты тоже не молодеешь, Саша. Что ж, гуляй, пока силы позволяют, кобелек. Вспомнишь мои слова лет через двадцать. Я хочу получить ответ на один вопрос.

– Валяй, – процедил Саша.

– Ты ей говорил то же самое? – тихо спросила Юля. – Что она благоухает как роза? Что ее глаза похожи на ночные звезды? И все такое прочее?

Он сглотнул ком, застрявший в горле. Перед глазами все плыло, словно он нырнул под воду.

– Зря я спрашиваю. – Юля вздохнула. – Ведь сама знаю, что это так. Я сама подам на развод. Не утруждай себя, – заявила она и вышла из кухни.

На следующий день ему позвонила мать. Они с отцом жили в Краснодарском крае и виделись с сыном максимум пару раз в году.

– Саша, мне вчера Мария звонила, мама Юли. Это что, правда?

– Что «правда»?

– Она сказала, что вы с Юлей разводитесь!

– Наверное, да, – подумав, сказал Александр.

– Но это сумасшествие! У вас двое маленьких детей! Как так можно?!

– Ты ничего не знаешь.

В трубке надолго повисла пауза.

Денин уже решил, что связь разъединилась, как мама осторожно поинтересовалась:

– Ты... снова встретился с Таней?

Он посмотрел в потолок. Пора делать ремонт. Но это уже не его забота.

– Да.

– Боже, как все глупо, – запричитала мама, и сын понял, что она сейчас расплачется. – Сашенька, это не тот человек, который тебе нужен! Пожалуйста, пойми! Не совершай необдуманных поступков! Прежде всего подумай о детках!

– Я все время о них думаю, – с усилием проговорил он. – Ладно. Я тебя понял, мама. Как отец?

Мать сказала, что все нормально, и он прекратил разговор.

Александр почти не спал эту ночь. Мысли в голове кружились в безумном хороводе, напоминали обкуренных индейцев, пляшущих вокруг столба, к которому привязан их бледнолицый враг.

«Теперь-то больше не надо врать. Процесс, как говорится, пошел, – раздумывал он. – Нужно будет обязательно сказать Тане. А она опять предложит мне жениться на ней».

«Не хочу учиться, хочу жениться!» – вспомнил он знаменитые слова Митрофанушки из комедии «Недоросль» Фонвизина.

«А почему бы и нет? Я же люблю ее».

– Люблю, – подтвердил Саша вслух.

Он словно пробовал на вкус это загадочное слово, над смыслом которого бьется не одно поколение ученых и философов. Саша делал это осторожно. Так ребенок касается кончиком языка слишком холодного мороженого.

– Я люблю ее, – повторил он.

«Ты переедешь к ней на съемную квартиру? Туда, где она живет с дочерью?» – осведомился внутренний голос.

Он закрыл глаза, заставляя себя думать только о позитиве. Все мысли о предстоящем разводе, дележке имущества, алиментах Саша не без труда затолкал в самый дальний уголок памяти.

Он будет думать о хорошем, разведется и станет свободным. Они с Таней снова отправятся в ресторан, и Саша сделает ей предложение. Она, конечно, обрадуется. Ведь они столько времени этого ждали!

Уснул он уже под утро.

Друзей у Саши было мало. Так, знакомые, не более. Единственным человеком, которого можно было с большой натяжкой отнести к этой категории, являлся Игорь Косенко, однокурсник Денина. Иногда Саше казалось, что в их отношениях проклеывалась прямая заинтересованность Игоря. Тот был инвалидом, грохнулся по пьянке с четвертого этажа и отбил себе все, что только можно. Он частенько брал у него в долг, возвращать который не торопился. Впрочем, Саша на этом и не настаивал. В лице Игоря он всегда находил внимательного слушателя. Его, конечно же, раздражало чрезмерное увлечение друга спиртным, но тут уж, как говорится, личное дело каждого.

– Куда пропал? – недовольно полюбопытствовал Игорь, позвонив Александру.

Узнав, что приятель вновь общается с Татьяной, он пробубнил:

– Вот тебя колбасит, братуха!.. Чую, добром это не кончится.

– Это мои проблемы, – сухо заметил Саша. – Что-то случилось?

Игорь тут же замялся, и Денин понял, что тому вновь нужны деньги.

– Я дам. Сам заедешь или встретимся где?

– Я подъеду, – засуетился Игорь. – Давай через пару часов, ага?

Пока он ехал, Александр раздумывал, что подарить Татьяне на Восьмое марта. Он обработал ее фотографию в фотошопе, прилепил улыбающееся лицо Тани к телу потешного зайчонка с цветами и отправил эту картинку в адрес фото-салона для изготовления футболки. Затем Саша на бескрайних просторах Интернета нашел и заказал роскошный домашний фонтан в виде двух ангелочков, держащих кувшины, из которых лилась вода, подкрашенная огоньками светодиодов. Потом он на каком-то сетевом аукционе купил ожерелье из зубов тигровой акулы. Все вышеуказанное вместе с доставкой обошлось ему в пятьсот с лишним евро, но Саша даже не думал о деньгах.

Когда дело касается любимой женщины, разговор о тратах и суммах неприемлем. Тем более что у него еще оставалась крупная заначка от продажи своих картин.

«Мы будем вместе», – думал Саша.

Вскоре приехал Игорь. Шумно дыша, он протиснул свое оплывшее грузное тело в дверной проем.

– Вот спасибо, братуха! – дыша перегаром, пробубнил Косенко, пересчитывая деньги, которые ему вручил Саша. – Я обязательно отдам.

– Не сомневаюсь, – сказал Денин и хмыкнул.

– Чтоб я сдох, чувак! – поклялся Косенко, засовывая деньги в карман засаленных брюк. – И это... только ты не обижайся.

– Что еще? – Саша насторожился, сдвинул брови.

– Ты зря это. Юлька хорошая баба, отличная мать твоих детей. Да, толстой стала, разнесло ее. Но, дружище, это же естественно – она родила тебе двоих детей. Юлька – твоя жена. Она не виновата. А ты...

– Что «я»? – очень тихо произнес Саша, и его темные глаза сверкнули.

– Совсем совесть потерял. Сходи за ней к Гудвину в Изумрудный город. Люди с возрастом меняются, и с этим нужно считаться. Ты вон тоже скоро облысеешь, а пузо уже проглядывает. На хер кому ты нужен будешь лет через десять!

– Где-то я уже это слышал. – Саша провел ладонью по редющим волосам. – У тебя все, Игоряша? Если хочется поболтать, я к тебе на днях заеду. Сейчас у меня дела.

– Конечно. – Игорь закивал, пятясь к выходу. – Только запомни, чувак. Эта Таня – непростая баба. Она... она четко знает, что ей нужно и как добиться этой цели.

– Я тебя услышал, – вежливо произнес Денин, закрывая за другом дверь.

– Спасибо за то, что выручил! – крикнул Косенко.

– Не за что, – без тени улыбки сказал сам себе Александр. – Когда-нибудь все наши долги будут уплачены. Да-да...

– Сам с собой разговариваешь? – осведомилась Юля, выглянув из комнаты.

Саша промолчал и услышал:

– Предлагаю заключить мировое соглашение.

– Какое еще соглашение? – не сразу сообразил он.

– На раздел имущества. Мы с мамой продаем свою двушку и покупаем тебе однокомнатную. А эту квартиру ты оставляешь детям.

– Детям? – Саша огляделся вокруг так, словно впервые оказался в своей собственной трехкомнатной квартире, в которой жил уже более семи лет. – А морда у тебя не лопнет?

– Нет.

– Не хочешь по-хорошему, будем делить через суд.

– Да пошла ты!.. – не сдержался Саша.

Юля только ухмыльнулась, и ему внезапно захотелось ее ударить. Да так, чтобы из носа брызнула кровь и она закричала, выпучив свои глупые кукольные глаза!

Вечером он отправил Тане эсэмэс:

«Я люблю тебя и скучаю».

Ответ пришел быстро и немного обескуражил парня:

«Целую».

Александр пожал плечами.

«Это все потому, что я еще не свободен. Подожди, любимая!» – подумал он.

В эту ночь ему приснился странный сон.

Они с Юлей сидят за праздничным столом, из окон струится солнечный свет. Даша и Рома улыбаются, они измазались в сладкой рисовой каше. Юля тоже улыбается. Все пьют чай и счастливы.

Саша смотрит на свою жену и не понимает, почему он раньше не замечал, какая она чудесная. Куда-то исчезли лишние килограммы и припухлости под глазами. Юля просто замечательная. Они смотрят друг на друга. Он нежно накрывает ладонью руку супруги. Дети весело щебечут, светит солнышко, все прекрасно.

Вдруг откуда-то сверху доносится хруст, и на лице Юли появляется длинный разрез. Крови нет, края разреза желтеют и моментально сохнут, как кусок плесневелого сыра, забытый в холодильнике.

В воздухе сверкает что-то тяжелое, похожее на стальной маятник. Обрывки платья вместе с руками Юли с мягким шелестом падают вниз. Ее улыбка превращается в немой вопль. Тело женщины рассечено пополам, ноги безвольно висят на тоненьких лоскутках.

Она бумажная!

Саша протягивает вперед руку и с ужасом замечает, что его пальцы шуршат. Он тоже из бумаги, весь, целиком.

Стол, посуда, стены, дети – все бумажное. Их дом, малышей, счастье кто-то безжалостно кромсал громадными ножницами, кряхтя и хихикая при этом.

На стенах появились разрезы. Их края так же мгновенно усыхали и съеживались. От детей вскоре остались одни обрезки, похожие на пожухлые осенние листья.

«Помогите», – шепчет Саша.

В крыше дома появляется рваная дыра. Он видит прищуренный серый глаз. Кто-то смотрит на них. Потом появляются губы. Чувственные, красивые, поблескивающие свежей помадой. Рот открывается, обнажаются кривые клыки, и Сашу обдаёт кладбищенским смрадом.

Денин сполз с кровати и подошел к окну. В мозгу продолжали вспыхивать шуршащие звуки, от которых по всему телу пошел озноб. Он вглядывался в серебряный полумесяц, который время от времени закрывали дымчатые облака.

«Хочу к тебе, родная, – мысленно произнес он. – Боже, когда же мы будем вместе?»

«Ты понимаешь, что собственными руками разрушил семью?» – спросил внутренний голос.

«Я ничего не рушил», – ответил Саша.

«Ну да. Оно само».

Огромные ножницы разрезали его жизнь пополам.

Восьмое марта прошло замечательно. Таня была в прекрасном настроении, весь вечер смеялась и благодарила Сашу за подарки. Ожерелье из зубов акулы она тут же надела себе на шею. Потом там же, в ресторане, они спросили разрешение администратора и подключили фонтан с ангелочками. Рядом со столом стояла большая ваза, в которой едва поместились розы, семьдесят одна штука, громадный букет.

– Спасибо тебе. Все было просто супер, – сказала она, когда они вышли наружу.

– Мы едем к тебе? – на всякий случай спросил Саша.

Он даже в мыслях не допускал отрицательного ответа.

– Нет, – все так же улыбаясь, ответила Таня. – Сегодня дома Рита. Она с подружкой.

Внутри молодого человека все оборвалось. Ему показалось, что в его сердце только что вогнали гарпун.

– Но... ведь сегодня твой праздник. – Он выдавил из себя жалкую улыбку. – Неужели ты не могла заранее подумать?.. В конце концов, можно попросить Риту... – Тут он запнулся, он просто стоял и тоскливо смотрел, как Таня вдыхает запах роз.

– Я что, должна была выгнать собственную дочь на то время, пока мы будем кувыряться на диване? – язвительно поинтересовалась она.

Саше было нечего возразить. Он боялся разозлить ее, поэтому растерянно молчал, переминаясь с ноги на ногу.

«Она могла меня предупредить, договориться с дочерью. И вообще, что тут такого? У них две комнаты. Рита знает меня», – думал он, кусая губы.

Таня вышла на дорогу и стала голосовать.

– Я могу снять гостиницу, – не слишком уверенно произнес он.

– Можешь или только собираешься снять? – не глядя на него, спросила Татьяна.

Возле нее остановилась синяя «шестерка». Она что-то сказала водителю. Тот согласно кивнул.

– Таня!..

– Все было чудесно, – сказала она. – Ты не перестаешь меня удивлять своими подарками. Он машинально передал ей пакет с фонтаном. Она наклонилась и едва коснулась губами его щеки.

– Еще раз спасибо. Пока!

Ему хотелось кричать от обиды, подбежать к этому ублюдочному тарантасу и расколотить в нем все стекла булыжником, а самого водителя вышвырнуть на дорогу, чтобы машины, проезжающие мимо, превратили его тело в блин, сочащийся кровью.

Таня помахала ему рукой. Он не ответил, провожая ее взглядом, преисполненным болью. Вечером он получил от нее сообщение:

«Саша, перечитай «Обломова».

Лишь немалым усилием воли он удержал себя от того, чтобы не разбить телефон о стенку.

Он хорошо помнил это произведение Гончарова. Да, то самое, про рыхлого толстяка, который просрал свое имение. У этого Обломова увел женщину Штольц, его же собственный друг. Кстати, этот никчемный субъект в итоге отбросил коньки. Что имела в виду Таня, советуя ему вновь перечитать эту книгу?!

«Ты похож на него», – пояснил голос.

«Нет!»

«Да. Ты такой же нерешительный тюфяк, можешь только говорить красивые слова!»

– Нет! – выкрикнул Саша.

У него начало покалывать в голове, и он обхватил виски руками, пытаясь унять неизвестно откуда взявшуюся боль.

«А на деле ты – ноль, пимпочка, шарик от бачка унитаза!»

Он сел рисовать. Сперва Саше казалось, что у него получается какой-то замысловатый орнамент. Но через два часа, уже глубокой ночью, он всмотрелся в картину, и ему почудилось, что сквозь витиеватые узоры просвечивают контуры огромных ножниц.

Мол, клац-клац. Чтобы там такое еще разрезать?

«Перечитай «Обломова».

Саша порвал картину.

Утром, ни свет ни заря, в дверь кто-то позвонил. На пороге стоял его отец.

– Дедуля! – завопили дети и кинулись к нему.

– А ты нам подарки принес? – Рома заглянул в глаза деду.

– Принес. Где ваш папа? – спросил Валерий Викторович, передавая малышне коробки в цветных упаковках.

Вскоре они сидели на кухне. Саша включил чайник.

– Проездом? – спросил он.

– Да. Сейчас еще в одно место заеду и домой.

Они помолчали.

– Ты окончательно решил? – вдруг спросил Валерий Викторович.

Саша с непроницаемым лицом разлил по кружкам чай и поставил перед отцом вазочку с печеньем.

– Что решил?

– Не притворяйся, – сказал отец достаточно резко. – Почему я узнаю о твоём разводе в самую последнюю очередь?!

– Потому что пока еще никакого развода нет, – бросил Саша, помешивая ложечкой чай.

– Но он не за горами. Юлия уже подала в суд?

– Понятия не имею. Вроде да.

– Что значит «вроде»? Вы что, не общаетесь?

Саша пожал плечами и отхлебнул из чашки.

– По мере необходимости.

Отец вздохнул:

– Разрушить, сломать семью – проще простого. Находить компромисс и уметь слушать друг друга куда сложнее.

– Папа, не нужно сейчас мораль читать. Не в том я возрасте.

– В нашем роду не было разводов!

– Значит, я буду первым, – заявил Александр, вытер губы и спросил: – Еще чаю?

Денин-старший сверлил сына тяжелым взглядом.

– Я бы и слова тебе не сказал, если бы у тебя не было детей. Какого хера тебе взбрело в голову это делать, когда они еще под стол пешком ходят?!

– Так уж сложилось. Извини, папа. Мне еще на работу. Мои картины неважно продаются в последнее время. Я сейчас рекламные листки раздаю.

– Да, я уйду. – Мужчина поднялся из-за стола. – Мать мне сказала. Это ведь все твоя новая женщина, Татьяна?..

Кулаки Саши инстинктивно сжались, но отец этого не заметил.

– Ты поиграешь с ней, потом она тебе надоест. Ты будешь искать себе новую забаву. Я тоже уходил от твоей матери. Пойми, что все в этой жизни движется по спирали! Твои поступки опрометчивы! Ты совершенно не думаешь о последствиях, Саша! Потом будет поздно!..

– Все, хватит! – прервал Александр эту тираду.

Он мельком взглянул на отца, и у него перехватило дыхание. Перед ним сидел обгорелый труп! Из шеи торчали осколки костей, обожженные руки скребли клеенку, оставляя на ней черные разводы, из пустых глазниц сочился зловонный кисель.

Саша моргнул. Страшное видение исчезло с такой же быстротой, с какой и возникло.

«Авария. Отец и дети погибли», – вспомнил он собственную ложь и сказал:

– Мне пора.

Валерий Викторович печально смотрел на сына.

– Жаль, что мы не слышим друг друга, – проговорил он. – Наверное, в этом есть моя вина. – Он приобнял Сашу, но тот даже не шелохнулся.

После этого отец вышел в коридор, крепко поцеловал резвящихся ребятишек и покинул дом.

Вечером он сел за компьютер и поморщился. Голова снова раскалывалась как с похмелья. Саша открыл электронную почту, увидел письмо от Тани и почувствовал, что его пульс участился. Он торопливо кликнул мышью по сообщению. Там было небольшое послание и фотография. Он бросил беглый взгляд на снимок и чуть не застонал.

Они с Юлей сидели с детьми у фонтана. Кажется, это было в Сокольниках.

«У тебя родились еще дети? – спрашивала в письме Таня. – Или ты занялся усыновлением?»

«Откуда ты взяла это фото?»

Ответ пришел очень быстро:

«Конечно, из социальных сетей».

Юля была зарегистрирована черт-те где, проще было бы назвать ресурсы, на которых ее не было. Она обожала выкладывать в сети свои фотографии, в том числе и с детьми. Он помнил этот снимок. Они сидели рядом, но улыбка у него была напряженная, а в глазах и вовсе читалась тоска.

Саша трясущимися руками достал телефон и принялся набирать номер, который знал как дважды два. Таня не отвечала.

– Ну, давай же! – прошептал Саша.

Он мысленно обкладывал себя матом за то злосчастное письмо с брехней про аварию и с трепетом вслушивался в монотонные гудки. Они убивали его, лишали последнего шанса.

«Пожалуйста, ответь», – отправил Саша СМС-сообщение.

Потянулись тягучие минуты.

Он закрыл письмо, снова позвонил и наконец-то услышал ее голос:

– Что?

– Танюша, прошу, выслушай. Понимаю, такая дурацкая ситуация, но я тебе все объясню!

– Ты прямо сейчас хочешь что-то растолковать мне? – Голос Тани был равнодушным, словно она сообщала случайному прохожему, сколько времени.

Неожиданно Саша услышал посторонний шум в телефоне. Музыка, что ли? И еще, кажется, были голоса...

– Ты где? – напряженно спросил он.

– Это неважно. Я занята.

– Постой!

Но в мобильнике уже раздавались издевательские гудки.

Теперь он с нетерпением ждал развода – на горизонте уже маячил суд. Юля перестала допекать его с мировым соглашением, лишь обронила, что делить нажитое имущество тоже намеревается по суду.

Сашу это бесило. Ведь, по большому счету, все, что они имели на сегодняшний день, принадлежало ему. Квартира осталась от деда, участок с небольшим летним домиком подарили на свадьбу родители. Машину он купил сам, в кредит, за который еще не расплатился, зато на ней, ничуть не стесняясь, разъезжала его жена.

Так или иначе, но Юля ничего и слышать не хотела. Она мечтала побыстрее вытурить его отсюда, как только будет вынесено решение суда.

Краем сознания Александр чувствовал, что нужно оставить все как есть. Тот же самый развод с женой – новый этап в его жизни, пускай и не такой радостный. Но это перемены. Так, может, есть смысл вообще все начать заново? А все это – Юлю, ненавистную работу распространителя рекламных листов – оставить в прошлой жизни.

Но как только он начинал планировать свои первые шаги, в его памяти неизменно материализовывалось лицо любимой женщины. Он уже не мыслил своего дальнейшего существования без нее.

«Она колдунья! – шелестел над его ухом чей-то незнакомый голос, пока он ворочался на потной подушке бессонными ночами. – Эта женщина несет только страдания».

«Я скоро буду свободным, – упрямо думал он. – Ведь у нас нет других преград!»

Он вставал, ходил по комнате, что-то бормотал, подскакивал к своим запыхавшимся мольбертам, потом снова падал в постель, опять вставал. Все это повторялось десятки раз.

Наконец состоялся суд. Через месяц он получил на руки заветный документ – свидетельство о разводе.

В ближайшие дни Саша забежал в ЗАГС. Вскоре он вышел обратно с паспортом, в котором сиял свеженький штампик о разводе. В этот момент его лицо выглядело куда более счастливым, нежели у тех молодых людей, которые только-только намеревались подать заявление о регистрации брака.

Ему не терпелось сообщить об этом событии Тани, но он пересилил себя, решил сделать ей сюрприз. Саша по Интернету заказал громадный букет роз – тысяча и одну штуку. Приехал курьер от фирмы, и Денин без сожаления передал ему сто двадцать тысяч – практически все свои накопления. Он продиктовал курьеру адрес Тани.

– А если дама спросит, от кого цветы?.. – осведомился юноша, пересчитав деньги.

Саша подумал немного и махнул рукой:

– Скажете, первый встречный. Просто так.

Он был уверен, что Таня сразу поймет, кто именно этот таинственный незнакомец.

Потом Саша набрал номер Игоря и спросил:

– Все бухаешь?

– Можешь предложить что-то получше? – осведомился тот и хихикнул.

– Я к тебе скоро приеду, повод есть. Не возражаешь?

– Давай, конечно, – оживился Игорь. – Только я тебе сейчас не готов долги отдать, – сразу предупредил он.

Но Саша и так знал, что о долгах придется надолго забыть, а еще лучше и вовсе спить их.

– И это... возьми чего-нибудь, да? – несмело попросил Игорь.

– Мог бы и не предупреждать.

Сам Денин пил мало и купил себе лишь немного пива. Игорю он взял литровую бутылку водки, надеясь, что за добавкой бежать не придется.

Игорь жил в одном из поселков Ногинского района. Частный дом, наполовину развалившийся, достался ему по наследству от покойной матери. Отца у него не было. По крайней мере, Игорь никогда о нем не упоминал.

Саше нравился этот тихий и спокойный район. Старые дома постепенно сносили, и кроме Игоря, тут почти никто не жил. Сам Косенко не особенно торопился покидать свою избушку, хотя ему уже как-то приходило предложение властей о переселении в квартиру.

«Поживем – увидим», – беззаботно говорил он по этому поводу.

– Откуда? – спросил Александр, указывая на фингал, желтеющий под глазом Игоря.

– А, – махнул рукой тот. – Брательник с зоны вернулся. Жизни меня учил.

– Он тебя отсюда не вытурит?

– Нет. У него однушка в городе есть.

– Ты запустил дом, – осматриваясь, сказал Саша.

– Да и хрен с ним, – беспечно отозвался Игорь, ставя мятую кастрюлю на плиту, забрызганную маслом. – Сейчас пельмешек замутим. Как у тебя дела-то?

– Развелся наконец.

Игорь замер, держа в руках половник.

– Все-таки развелся. Извини, но с этим тебя поздравлять не буду.

– Не надо.

– Более того. Еще раз извини, но ты придурок.

Неожиданно Александра охватила злость. Он придурок? Он, за счет которого Игорь вот уже третий год накачивается по вечерам до потери сознания? Саша, который вытащил вусмерть пьяного Игоря из сугроба поздно вечером?! Если бы не он, тот очнулся бы от переохлаждения!

– За словами следи, – сквозь зубы проговорил Саша. – А то не посмотрю, что ты инвалид, понял?!

– Ты не злился, – примирительно сказал хозяин дома, посолил воду и тяжело опустился на колченогий табурет.

Косенко вспомнил, какой яростью сверкнули глаза приятеля, и на мгновение почувствовал себя неуютно.

– Если ты настроен поговорить на эту тему, то я тебе все популярно объясню, – предложил он, наливая себе водки.

– Давай, – равнодушно отозвался Александр.

«Все равно это ничего не изменит», – подумалось ему. – Скоро курьер придет домой к Тане».

От этой мысли низ живота Саши накрыла сладкая истома. Он представил себе, как вспыхнут от изумления глаза любимой при виде огромной кучи цветов, и непроизвольно улыбнулся.

Игорь покосился на друга. Резкие перемены в его поведении ему не нравились. Более того, Денин начинал пугать его.

Но Игорь решил не останавливаться, выдохнул, опрокинул в себя содержимое рюмки, перевел дух и осторожно поинтересовался:

– Как у тебя с Таней?

– Пока никак, – ровно ответил Саша и в который раз взглянул на часы.

Через несколько минут цветы будут у Тани.

– Но скоро все будет хорошо.

– Спешить куда?

– Неважно, – бросил Саша.

– Ладно. Я не случайно тебя спросил про ваши отношения. Только не психуй, ладно?

– Почему я должен психовать? – вскинул брови Денин.

Игорь засмеялся, хотя внутри у него скребло, и подумал, что его приятель уже псих.

– Вы очень разные, чувак. Вот смотри. – Игорь взял с треснувшей подставки перечницу и солонку. – Типа это ты, а перечница – она.

– Хорошее сравнение, – заметил Саша, но Игорь пропустил шпильку друга мимо ушей.

– Меня ведь тоже бабы бросали. Я знаю, каково это. Постарайся взглянуть на ситуацию объективно, как посторонний наблюдатель. У вас разные цели. Что хочешь ты? Ты хочешь ее. Всю. Целиком и сразу. Это, чувак, называется страсть. Это даже не любовь-морковь. Рубишь фишку? – Игорь отодвинул солонку в сторону и взял в руки перечницу. – Что хочет она? Ясен пень, то же самое, что и все бабы, – семья, дети и прочая хрень. Зачем Татьяна приехала сюда, ты не задумывался?

– За гражданством, – словно эхо отозвался Саша. – И за хорошей зарплатой. За счастьем, в конце концов. – Он снова посмотрел на часы.

– Вот. У нее есть цель. Будет мужик рядом – хорошо. Нет – ну что ж, переживет как-нибудь, она уже не маленькая. А теперь подумай, какой у нее выбор. Пошевели мозгами, какое место в этих ячейках занимаешь ты. Да, ты развелся. Да, вроде как ты свободен. Но на тебе висят малолетние дети. Ты не определился с разменом жилья. Эта канитель будет тянуться еще долго, чувак. Как ты считаешь, станет она ждать? Я тебе скажу – нет. Она баба симпатичная. Замутить с кем-то шуры-муры для нее ни разу не проблема. – Вода в кастрюле забулжила, и Игорь начал сыпать в кипяток пельмени. – У нее нет времени на эти сопли, ей надо дела решать, – продолжал он. – А тут ты лезешь со своей романтикой, всякими картинками и признаниями в любви.

Александр сидел с непроницаемым лицом.

Игорь помешал воду половником, потом снова сел.

– Она не оценит этого, Санек. Поверь. Ты для нее просто как временное развлечение. Игрушка. – Он покрутил в руках перечницу и вернул ее на место. – Ты не задавал себе вопрос, почему у нее никого не было в Кишиневе? Сколько раз она тут, в Москве, сходилась с мужиками, а потом бросала их?

– Дважды, – глухо отозвался Саша.

– Вот. И оба раза она сама от них уходила. Так, да? Я ничего не путаю?

Александр с несчастным видом помотал головой. Да, Игоряша был алкашом, но в логике ему не отказать – не зря в шахматы всех в детстве обыгрывал. Но сейчас от того, что приятель пытался доступным способом донести до него правду-матку, Денину становилось только хуже. Саше казалось, словно ему под ногти кто-то медленно загонял раскаленные спицы.

– Знаешь, твои потуги наладить с ней отношения напоминают мне ситуацию, когда добрый доктор лечит ногу бомжа, которая заражена гангреной, – вещал тем временем Игорь. –

Она распухла и воняет, а он ее зеленкой мажет и мазью Вишневского! Резать надо к такой-то матери, а он!.. Ты врубаешься, Санек? Или тебя к Гудвину в Изумрудный город за мозгами отправлять нужно?

Затренькал телефон Александра, и тот схватил его дрожащей рукой.

– Да?!

– Это Рашид, курьер. Она не взяла цветы. Куда их привезти?

– Как не взяла? – оторопел Саша.

Ему показалось, что он ослышался.

– Как это не взяла?! – закричал он.

Игорь испуганно заморгал, заскрипел табуреткой.

– Ты адрес не перепутал? – уняв дрожь, спросил Денин.

В нем еще теплилась надежда на то, что курьер ошибся. Может, он сунулся в соседнюю дверь, подъезд, дом?

Рашид с плохо скрытым раздражением продиктовал адрес.

Все сходится.

– Она спросила, как вы выглядите, – добавил он. – Я рассказал.

– И что? – упавшим голосом спросил Саша.

– Она сказала, что ей ничего от вас не надо. Так куда везти цветы? – нетерпеливо повторил курьер.

– Никуда, – ответил Денин. – Выброси их на хер. Или подари своей девчонке.

– У меня жена, – с обидой сообщил Рашид, и Саша отключил телефон.

Тысяча роз. И еще одна.

Сто двадцать штук словно в сортир смыли. Еще никогда он не чувствовал себя таким униженным. Его словно обмакнули головой в унитаз привокзального сортира.

– Санек!

– А?.. – Александр тупо посмотрел на друга. Ему показалось, что голос товарища доносился с какой-то другой планеты.

Лицо Игоря было встревоженным.

– Что там случилось?

Саша с трудом вылез из-за стола.

– Пожалуй, Игоряша, наш разговор придется закончить в другой раз, – хрипло пробубнил он.

В голове что-то потрескивало и щелкало, словно там кто-то ворошил тлеющие угли.

– Нет, чувак, – Косенко тоже встал с табурета. – Я не пушу тебя в таком состоянии! Останься!

Он попытался преградить Александру путь, но тот оттолкнул его в сторону, да так резко, что Игорь с трудом удержался на ногах.

– Потом!..

– Вот дурак! – заявил Игорь, вытирая со лба капли пота.

Потом он услышал, как хлопнула входная дверь, покачал головой и сказал сам себе:

– Совсем свихнулся. Господи, вправь ему мозги, а то свисли набекрень.

Его взгляд переместился на пыхтящую кастрюлю. Переваренные пельмени беспомощно болтались в кипящей пене, стукались друг о друга. Он смотрел на рваные ошметки теста, выпустившие из себя совершенно неаппетитные комки фарша, и почему-то подумал о внутренностях, вылезших наружу.

Игорь вздохнул, и его рука сама собой потянулась к бутылке.

Саша с трудом помнил, как он пришел домой. Квартира была пустой – Юлия с детьми уехала на дачу к подруге.

Непослушными пальцами он набрал номер Тани. Автоответчик любезно сообщил ему о недоступности абонента.

В этом фальшивом вежливом тоне угадывались другие слова:

«А не пойти бы тебе в задницу, господин Денин?! Она внесла тебя в черный список».

– Нет! – Саша закрутил головой. – Она просто выключила мобильник.

Он сел за компьютер, открыл страницу Тани в одной из социальных сетей и увидел, что она как раз находилась здесь.

«Позвони, прошу тебя!» – отпечатал он.

Его пальцы словно принадлежали другому человеку. Они то и дело попадали не на те клавиши.

Ответ пришел не скоро и сразил его наповал:

«Звонить не буду, так как не вижу смысла. И ты мне, пожалуйста, больше не звони».

Во рту у Саши появилась мерзкая сухость, а его спина взмокла от липкого пота.

«Это все. Но как? Что случилось? Она нашла себе кого-то?» – подумал он и вернулся на страницу любимой женщины.

Глаза Саши защищало от влаги. Все его поздравления и письма на страничке Татьяны исчезли. Зато появилась ее фотография в обнимку с каким-то мужиком. Ее облапал какой-то плешивый урод в пиджаке, который слащаво улыбался.

Сашу душили ярость и отчаяние.

Так, в полной неподвижности, он просидел почти сорок минут. Потом Денин пересилил себя и принялся сочинять письмо.

«Она должна понять. Мы ведь любим друг друга! Настоящее чувство не может умереть!»

Письмо получилось большим, почти на две страницы. Щурясь, Александр в десятый раз проверил текст на грамматические ошибки, затем прикрепил к сообщению фотографию крапчатого цветка и отправил его.

– Ты поймешь, – едва слышно произнес парень. – Я развелся. Я свободен. Мы ведь любим друг друга. Я развелся. Мы... – Он осекся, поймав себя на мысли, что талдычит в пустоту одно и то же, прямо как попугай.

На этот раз ответ пришел моментально. Это письмо окончательно и бесповоротно растоптало тот огонек, который едва теплился внутри его.

«Не умею так много и красиво писать. Да и сказать, собственно, нечего. Наши отношения перешли точку невозврата. Все кончено. Прощай».

Из глотки Саши рвался дикий, первобытный вопль зверя, истекающего кровью, напоровшегося на кол в яме.

Все. Теперь точно конец.

Он зачем-то снова набрал номер Татьяны и услышал:

«В настоящее время абонент недоступен».

«Да, мы разные люди. Я для нее – не более чем временное развлечение. А ведь Игорек прав. Она и есть перечница, самая настоящая. – Саша встал и направился в кухню. – Зря я уехал. Нужно было остаться у Игоря».

Неожиданно взгляд Денина остановился на стойке с кухонными ножами.

– Она не любит тебя, – прохрипел он, упершись руками в столешницу.

Его тело ритмично покачивалось, будто вместо пола под ногами была палуба корабля во время шторма.

– Тебя никто не будет любить так, как я. Дурочка. Сука. Тварь, что же ты делаешь со мной?!

Он плакал от жалости к самому себе, от собственной беспомощности и бессилия. Глаза заволокло влажной пленкой, но даже сквозь нее Саша очень хорошо видел ножи.

– Только я расплачусь попозже, ладно? – слегка заплетающимся голосом проговорил Игорь.

– Это когда? – уточнил водитель и нахмурился.

– Приедем по адресу, и расплачусь, – пообещал он, снял с не слишком чистого запястья часы и положил на приборную доску. – Вот. Залог. Могу еще мобильник оставить.

Водитель перевел взгляд на часы и ничего не сказал. «Волга» тронулась с места.

Игорь с облегчением вздохнул, после чего снова попробовал связаться с Александром. Но Денин не отвечал.

– Ну давай же, чувак! – пьяно пробубнил Косенко. – Или ты поперся к Гудвину за хорошим настроением?

Чувство тревоги за приятеля, поселившееся в нем еще днем, иступленно рвалось наружу, раз за разом посылая в мозг пульсирующие сигналы: «Сашка в беде».

Они приехали к дому Александра, когда на город опустилась бархатисто-угольная ночь. Игорь закинул голову. Свет горел всего в одном окне. В квартире его друга.

Саша поморгал. Нет, это именно они и есть. Его руки, блестящие от темной жижи, густыми лентами стекающей на колени и ковер. Клавиши, залитые кровью, чавкали, напоминали смешные островки, которые то погружались в вишневый кисель, то вновь выскальзывали на поверхность.

Некоторые уже не работали, но Александр продолжал упорно набирать и отправлять Татьяне одно и то же предложение из трех слов:

«Я тебя люблю».

Сколько он еще протянет? Судя по тому, как начинают неметь запястья, осталось недолго.

Ну и пусть. Он сдохнет прямо здесь, за этим чертовым компьютером.

Денин нахмурился. Какая-то хрень получается. Он ударил кулаком по клавиатуре. Брызги разлетелись роем алых пчел, заляпали экран монитора.

Звонок в дверь прозвучал неожиданно, даже как-то иррационально. Так гонг возвещает о начале боя.

«Это она!» – подумал Саша и поковылял к двери, выставив вперед искалеченные руки.

Воздух с хрипом и шумом выходил сквозь его стиснутые зубы.

«Да, это Таня. Она одумалась. Ведь знает, как я люблю ее».

Открыть дверь оказалось невероятно сложно. Пальцы задеревенели и напрочь отказывались подчиняться командам мозга. Наконец Саша справился с замком и...

Это была не она.

– Где твоя перчатка? – тихо спросил он у остолбеневшего Игоря и сел на пол.

Косенко едва сдержал крик и бросился вызывать «Скорую».

Уже поздней ночью, когда глубокие раны Александра были обработаны и зашиты, а сам он, накачанный обезболивающим, наконец-то уснул тяжелым искусственным сном, Татьяна неожиданно открыла глаза. Она бережно убрала руку с груди похрапывающего Леонида, неслышно выбралась из кровати и прошла на кухню.

Там Таня выпила стакан минералки и уставилась в ночное небо. Она не могла себе объяснить, что подняло ее с постели. Женщина наморщила лоб. Кажется, это был какой-то сон, связанный с Александром.

Татьяна провела рукой по густым волосам. Черт-те что!..

Бедный дурачок. Втрескался в нее как пятиклассник в свою учительницу. Это было интересно и занимательно, пока у нее было время и желание играть в эту игру. Но нерешительность молодого человека, его вечные метания из стороны в сторону и вспыльчивый характер – все это быстро охладило ее.

Она хотела чувствовать себя независимой. Те сцены ревности, которые иногда устраивал ей этот посредственный художник, стали слишком доставать ее. Все это в совокупности и решило судьбу их отношений. Таня не его собственность и вряд ли когда-нибудь ею будет. Она уже не в том возрасте, чтобы ее устраивало положение любовницы.

Парня, конечно, по-своему жаль, но лучше прямо сейчас оборвать эти фальшивые отношения, не давать Саше никаких поводов для бесплодных ожиданий и надежд.

Тем более что она нашла себе настоящего мужчину. Пусть он не умеет говорить такие красивые вещи, как Саша. Чего греха таить, ей нравились комплименты, которыми Денин заваливал ее мобильник и электронную почту, но Леонид был человеком дела. Она предпочитала именно таких мужчин.

К тому же он был ее земляком, причем далеко не самым бедным, и уже стал россиянином на законном основании. Скорее всего, ее проблема с гражданством тоже будет вскоре решена.

Она выключила свет, вернулась в спальню и так же бесшумно юркнула в теплую постель.

Спустя два месяца

Александр молча изучал только что законченную картину. Он плотно сжал губы, отчего те стали напоминать два тонюсеньких шрама.

Дерьмо! Никуда не годится. Этой мазней даже подтираться стыдно. Такую картину никто никогда не купит, даже первоклассник нарисует лучше.

Он поднес руку к глазам и чуть ли не с ненавистью глядел на подрагивающие пальцы. Чертов тремор!.. Все из-за поврежденных сухожилий, которые Саша в ту ночь кромсал раздельным ножом.

«Это все стресс, чувак, – сказал ему Игорь, у которого была иная точка зрения на причину трясучки рук Саши. – У тебя депрессуха. Забудь о своей прошлой жизни, начни все с чистого листа».

Угу. Легко сказать. Его приятель забыл добавить: «Сходи к Гудвину за таблетками от депрессухи».

Он швырнул мольберт на пол.

В комнату заглянула Юля:

– Хватит шуметь, я детей укладываю!

Саша пробурчал что-то невнятное. Юля, помедлив, прикрыла дверь. От него не ускользнул взгляд, преисполненный презрения, который она бросила на него напоследок. Словно это был не он, а так, кучка дерьма, оставленная их котом Вадиком.

«Ну и ладно. Плевать».

«Нет, не плевать, – возразил внутренний голос и ехидно осведомился: – Чем ты теперь будешь зарабатывать, дружок?»

Только сейчас Александр осознал всю серьезность проблем, которые с маниакальным постоянством преследовали его с тех самых пор, как Татьяна разорвала с ним отношения. Предпоследним ударом был суд по дележке имущества, на котором адвокату его бывшей благоверной удалось оттяпать у Саши три четверти квартиры.

И тем не менее. Картины – его хлеб. Он даже не представлял себе, чем еще мог бы зарабатывать на жизнь. А ведь ему теперь придется выплачивать алименты! Поскольку твердого заработка у Саши не было, судья назначил ему фиксированную сумму, исходя из средней зарплаты по стране. Получалось что-то порядка 10–12 тысяч рублей в месяц. Если он и сможет каким-то образом заработать эти деньги, то отдаст их. На что же тогда Денин будет жить?

Картины приносили ему неплохой доход, и он не привык себе в чем-то отказывать. У него еще остался небольшой запас работ, которые наверняка ушли бы за хорошие деньги. Александр мог некоторое время продержаться на плаву. Но это от силы 5–6 месяцев. А что дальше?

«Я не буду трогать эти картины», – подумал он, убирая краски.

«Конечно, не будешь. Потому что ты уже давно решил, кому достанутся эти картины, если вдруг с тобой что-то случится. Например, в следующий раз Игорь не догадается приехать к тебе домой. Ты эгоист, совершенно жалкий, просто ничтожный. Подумай о своих детях!..»

Внутренний голос в последнее время настойчиво отговаривал его от этой затеи, но Саша не собирался менять решения. Все свои работы он отдаст Тане. Или...

«Ты уже пытался подарить ей цветы. Вспомни, чем это закончилось!»

«Она получит их, когда меня не станет!» – не соглашался Саша с противным голосом.

Он снова посмотрел на уродливые шрамы. Они бугрились на руках лиловыми червяками, улыбались ему.

– Я сильный, – очень тихо сказал он. – Я справлюсь. – Александр вдруг неожиданно улыбнулся и добавил: – То, что нас не убивает, делает сильнее. Старик Ницше был прав.

Ему нужен Игорь! Самые поверхностные подсчеты показали, что друг-алкаш должен Саше как минимум тысяч тридцать.

Александр не особенно заморачивался по поводу того, что своим спасением он, по большому счету, обязан спивающемуся товарищу. Он не считал, что списание всех накопившихся долгов Игоря было бы благородным жестом, вполне логичным с точки зрения здравого смысла. У Саши был иной взгляд на эту проблему.

В свое время он вытащил мертвецки пьяного Косенко из сугроба, так что они квиты. Дружба дружбой, а табачок врозь, как говорится. Конечно, тридцать штук не решат все его проблемы, но какое-то время он сможет прожить на эти деньги.

Однако и здесь его ждала неудача. Игорь оказался дома, правда, он дрых беспробудным сном пропойцы. У Саши состоялся пренеприятнейший разговор со Станиславом, старшим братом Игоря, недавно вернувшимся из мест не столь отдаленных.

Собственно, беседы как таковой не получилось. Стас и слушать ничего не хотел о каких-то долгах, при этом отказывался будить младшего брата. Александр быстро вышел из себя и начал орать на уголовника. За это он тут же схлопотал леща, от которого у него перед глазами заплескали солнечные зайчики. Он попытался дать сдачи и даже замахнулся, но Косенко-старший без труда добавил ему еще пару оплеух.

– С долгами разберемся, – сказал он, пинками выгоняя униженного и морально раздавленного Сашу за ворота.

Из губы Денина капала кровь, под глазом набухал лиловый фонарь.

– Если должен – вернет. Если решил как лоха развести – ответишь! – После этих напутственных слов дверь за ним захлопнулась.

«Отвечать» Саше больше не хотелось. Потирая саднящую челюсть, он медленно брел по дороге.

Денег и работы у него не было. Внутри тоже ничего не оставалось, только ноющая боль и мертвая пустота.

Он подумал о своих малышах, и лицо его стало еще более хмурым. Дети сторонились его. Вчера дочь невзначай выдала, мол, как классно мы на днях гуляли, были в аквапарке с дядей Сережей.

Дядя Сережа, твою мать!.. Быстро же его недавняя супруга нашла ему замену. Саша на мгновение даже испытал ревность. Впрочем, какое это теперь имеет значение? Юля не замужем. Он не женат. Только вот что теперь делать с этой свободой? Как ею воспользоваться?

«Таня, я люблю тебя!»

Где-то под сердцем снова все скрутило болью. Саше казалось, будто чьи-то костлявые пальцы безжалостно отщипывали от его внутренностей по кусочку.

Он не переставал думать о любимой.

Впереди золотисто сверкнул купол церкви. Ноги сами понесли Сашу к храму. Внутри было пусто. Ноздри Денина тут же уловили терпкий запах ладана.

На мелочь, оставшуюся у него, Саша купил несколько свечей.

«Боже, сделай так, чтобы мы были вместе!»

Он прикрыл глаза, пытаясь вспомнить хоть какие-нибудь молитвы. Бабушка в детстве учила его, но сейчас голова Денина была заполнена истеричным хаосом, словно превратилась в клетку, набитую взбесившимися крысами.

«Боже, верни ее. Без нее мне не жить!»

Из-под века выскользнула слеза, блеснула в дрожащих огоньках свечей и упала на дощатый пол.

– Я приму тебя любую, – медленно, тщательно выговаривая каждую букву, проговорил Саша. – Хоть без рук, хоть без ног. Старую, хромую, глухую. Потому что только я люблю тебя по-настоящему. Так мать обожает своего ребенка, каким бы он ни был.

Он смотрел на свечу и плакал, уже не сдерживая слез. Свеча будто прониклась состоянием мужчины и тоже залилась восковыми слезами.

– Сынок, тебе нехорошо? – с тревогой спросила его старушка в платке, тронув за локоть.

– Да, – помедлив, ответил Саша, перекрестился и торопливо покинул храм.

«Боже, верни ее мне!»

Он очень надеялся на то, что Господь услышит его молитвы.

Спустя три месяца

– Леонид Дмитриевич, готовы ли взять в жены Татьяну Викторовну? – раздался в звенящей тишине профессионально поставленный голос сотрудницы ЗАГСа.

– Да, – не раздумывая, ответил он, посмотрел на Таню и поймал ее смеющийся взгляд.

Ему действительно повезло с новой женой. Редкое сочетание потрясающей внешности, изящества, деловой хватки и проницательности. Эта гармоничная во всех отношениях женщина устраивала его абсолютно во всем.

Неожиданно Леониду стало жарко. Он почувствовал, как Таня дотронулась до него своими тонкими пальцами. Они были горячими. Жених сглотнул и напряженно улыбнулся.

– Татьяна Викторовна, готовы ли вы?.. – Грузная тетка с обвислыми грудями запнулась, торопливо поправила очки и с виноватым видом обратилась к невесте: – Ой, извините, не туда посмотрела. Галина Андреевна, готовы ли вы?..

Галина Андреевна?

Леонид моргнул. Какая, на фиг, Галина Андреевна?!

Таня широко улыбалась, сжимая его руку. Леониду стало горячо. Словно он держался за пышущую жаром батарею, а не за руку будущей супруги.

– ...стать мужем Леонида Дмитриевича?

Его взгляд переместился вниз. Рука любимой из розовой стала красной, потом багровой. Поры кожи расширились, выпуская наружу струйки дыма.

Он закричал, попытался вырвать руку, но хватка была железной.

– Ты разве забыл мое имя? – спросила невеста и хрипло засмеялась.

Изо рта у нее вырвалось огненное облако.

– Меня зовут Галя. Помнишь?..

Ее лицо начало меняться, плавилось как воск. Леониду наконец-то удалось высвободить кисть. На ней пузырились ярко-красные ожоги. Он отскочил назад.

– Галя. Галя, Галя, – бубнила она, надвигаясь на ошалевшего от ужаса жениха.

Свадебная фата уже полыхала как факел, в воздухе плыл резкий запах горящих волос.

– Тебя нет! – заорал он.

– Есть! – отрезала Татьяна-Галя и ухмыльнулась.

Белоснежное платье быстро чернело. Оно съеживалось на женщине как отмершая кожа, опадало рваными чешуйками с налипшими клочками горящей плоти.

– Есть, дружок.

Через мгновение все ее тело превратилось в один гигантский костер, распространявший вокруг удушливый смрад. Леонид бросился к выходу, оглашая воплями горящее здание ЗАГСа. Дверь оказалась запертой. Он обернулся и тут же закрыл лицо руками. Перед ним, покачиваясь на ногах-палках, стоял обугливающийся скелет, с ног до головы обьятый бушующим пламенем.

– Идем со мной! – проклацали челюсти.

Звякнуло обручальное кольцо, не удержавшись на сожженной косточке, которая еще минуту назад была безымянным пальцем. К Леониду потянулись скрюченные лапы, и нестерпимый жар накрыл его с головой...

Некоторое время он неподвижно лежал на кровати, кашляя и вытирая лицо, мокрое от пота. Наконец Леонид откинул в сторону скомканное одеяло и вылез из постели.

Галя! Черт бы побрал эту голодранку.

Она приснилась ему впервые, хотя с тех пор уже минуло более десяти лет. Он передернул плечами, вспомнив жуткий оскал челюстей.

Оказавшись в ванной, Леонид начал умываться. Прохладная вода быстро помогла ему оправиться от сна.

Когда он закончил бриться, хлопнула входная дверь.

– Привет, – сказала Таня, обнимая его.

Они поцеловались.

– Все в порядке? Проводила дочку? – спросил Леонид.

– Рейс немного задержали, а так все в порядке, – сказала женщина.

– Рита скоро станет такой же прекрасной, как и ты.

– Красота не главное, – заметила Таня, и ее взгляд упал на бархатистую коробочку, скромно притулившуюся на журнальном столике. – Это то, о чем я думаю?

– Да.

Лицо Тани озарила счастливая улыбка.

– Очень надеюсь, что через месяц колечки, хранящиеся там, окажутся на наших пальцах.

– Я тоже об этом мечтаю, – сказал он и улыбнулся в ответ, но как-то вымученно.

– Мы нужны и дороги друг другу, – прибавила Таня.

Леонид вспомнил сон, звон кольца, слетевшего с обгорелого пальца невесты и покотившегося по полу. Улыбка его потускнела.

– Едем? Осталось полтора часа, – услышал он голос любимой.

– Конечно. Дай мне десять минут на сборы.

Дорога оказалась пустынной. Была суббота, и все ехали в область. Только они спешили в ЗАГС, хотели подать заявление о регистрации брака.

– Ты сегодня без охраны? – словно невзначай поинтересовалась Таня.

Леонид кивнул.

Она пытливо посмотрела на своего будущего супруга и сказала:

– Ты что-то недоговариваешь, я же вижу. Все нормально?

– Относительно. Охраны, кстати, не будет не только сегодня, но и в ближайшие два месяца, – выдержав паузу, ответил Леонид. – В данный момент я не могу себе позволить такую роскошь.

– Как бизнес?

Он поморщился, как если бы ненароком проглотил муху.

– Так себе. Но все наладится.

«Все наладится», – повторила про себя Таня, глядя в окно.

Ей почему-то подумалось, что эту фразу часто произносил Саша.

– Леня, мне бы хотелось, чтобы между нами не было тайн, – мягко проговорила она, погладив его руку. – Твои проблемы – мои проблемы. Мы должны доверять друг другу. Согласен?

Леонид снова кивнул и вдруг подумал, что сейчас из нее дым пойдет. Проклятый сон вновь дал о себе знать.

Он помрачнел и выдавил из себя:

– Хорошо. Я не буду ничего скрывать от тебя.

«Может, и ты о своем прошлом расскажешь?» – подумал Леонид и продолжил:

– В последнее время дела в моей компании идут неважно.

Таня не перебивала, внимательно слушала жениха.

«Если она узнает о Гале, то никогда не простит мне этого», – сверкнула в его сознании мысль.

– Но на то это и бизнес, вроде качелей. Сегодня так, завтра эдак. Но я с этим справлюсь, – закончил он.

– Что-то мне подсказывает, что ты не до конца со мной откровенен, – проговорила Таня, когда ее жених умолк.

Она сделала музыку погромче и стала смотреть в окно.

– Ты ошибаешься, – ответил Леонид, чувствуя, что его голос прозвучал не столь уверенно, как это должно было бы быть.

Некоторое время они ехали молча, потом он спросил:

– Как там твой влюбленный женатик? Больше не беспокоит?

– Честно?

– Конечно, честно. Мне вранье не нужно, – пробурчал Леонид.

Таня засмеялась, потрепала его по голове и сказала:

– Не ревнуй. Между нами уже давно все кончено. Да, он продолжает писать мне. И, кстати, развелся.

Леонид удивленно вскинул голову.

– Кажется, я вижу ревнивого самца, – игриво произнесла Таня. – Скоро это пройдет, он успокоится. Время лечит все, и он не исключение. Хотя какой-то промежуток моей жизни этот человек многое значил для меня. Я не могу просто так, за один день взять и стереть из памяти эти воспоминания.

– Ты могла бы внести его в черный список, – с недовольным видом сказал Леонид. – Зачем ты общаешься с ним?

– Я не общаюсь с ним, – ответила Таня, и в голосе ее проскользнули твердые нотки. – Не хочу делать резких телодвижений. Односторонняя связь, тем более без ответа, быстро прекращается сама по себе. Поверь. – Она наклонилась к нему. – Я люблю тебя.

– Я тоже, – ответил Леонид. – И что же он тебе пишет?

– Стихи.

– Он же вроде художник?

– Александр талантлив, – сказала Татьяна ровно, но Леониду все равно показалось, что она словно оправдывалась, защищала своего бывшего любовника. – Парень действительно очень способный. Его бы энергию да в нужное русло. Он...

– Эй, смотри, что это там?! – вдруг перебил ее Леонид.

Таня поглядела вперед и вздрогнула. По проезжей части как сумасшедший носился мужчина, размахивая руками. Он то кидался к телу, неподвижно лежащему у обочины, то снова вскакивал и начинал беспорядочно метаться прямо по трассе. Рядом с телом валялись два велосипеда.

Мужчина заметил их машину и, окрыленный надеждой, кинулся прямо им навстречу.

– Остановись, – сказала Татьяна. – Стой, ты задавишь его!

– Это не наши проблемы, – сквозь зубы проговорил Леонид, пытаясь объехать велосипедиста. – Убери руки, Таня!

– Ему нужна помощь!

– Мы вызовем врачей по телефону.

Она мертвой хваткой вцепилась в кисть Леонида, рывком повернула руль. Автомобиль затормозил, взвизгнув шинами.

– Да что с тобой? – воскликнула женщина. – Взгляни, там весь асфальт в крови!

Леонид глядел на нее со смешанным чувством тревоги и раздражения.

– У нас нет времени...

– Ничего, успеем, – сказала она, и тон ее не терпел возражений.

К ней, стоная и припадая на одну ногу, ковылял велосипедист. Этот невысокий мужчина был в защитном шлеме, одежда перепачкана в грязи. Окровавленная правая рука висела как плеть.

– Помогите, прошу вас! – взмолился он. – Моего друга сшибла машина! Наши телефоны разбиты, я не могу вызвать помощь!

– Звони в «Скорую»! – бросила Таня жениху и чуть ли не бегом направилась к человеку, лежащему на обочине.

Леонид выругался. У него проскочила мысль, что если бы они выехали минут на десять раньше, то наверняка разминутись бы с этими двумя оболтусами. Но нет, ему определенно не везет в последнее время. Он вздохнул и потянулся к мобильнику.

Между тем мужчина приблизился к машине. Леонид почему-то обратил внимание на тот факт, что на нем шлем мотоциклетного типа, а не открытый, в которых обычно ездят велосипедисты.

«Почему у него закрыто лицо?» – подумал он.

Окровавленная рука мужчины внезапно с легкостью нырнула за пазуху куртки.

– Спокойно, – сказал он, наставляя на Леонида пистолет. – Положи телефон. Держи руки так, чтобы я их видел.

Леонид вытаращил глаза так, словно получил сильнейший удар в солнечное сплетение. Рубашка мгновенно взмокла от пота и прилипла к телу, по которому прошла противная дрожь.

«Ну, Танюша, спасибо тебе!» – мысленно проговорил он, до боли в суставах сжимая рулевое колесо.

Татьяна не видела, что происходило у машины. Она склонилась над бесчувственным телом, осторожно взяла в руки кисть мужчины и стала нащупывать пульс. Женщина старалась не смотреть на лужу крови, растекшуюся под пострадавшим, хотя в своей жизни видала и не такое. Лишь бы травма оказалась не смертельной...

Мощный удар локтем в лицо опрокинул ее на теплый асфальт словно плюшевую игрушку. Нос взорвался болью. Таня, ошеломленная неожиданным поворотом, почувствовала, как глотка наполняется соленой кровью. Пока она поднималась на ноги, пытаясь осмыслить происходящее, большая рука в шершавой перчатке бесцеремонно закрыла ей рот. Перед распахнутыми глазами замаячил шлем, покрытый пылью, из прорези которого ее холодно сверлили темные глаза.

– Заорешь – сдохнешь! – хрипло пообещал незнакомец, прислонил к животу Татьяны нож и чуть надавил на него, разрезая блузку, а за нею и мягкую плоть.

Она непроизвольно вскрикнула.

– В машину! – приказал велосипедист.

Он затащил упирающую женщину в «Порше» Леонида и отключил ее коротким ударом. Потом мужчина хлопнул дверцей, и та зацепила лодыжку Тани. С ее ступни свалилась туфелька. Он сдвинул брови, забросил обувь в салон автомобиля, поправил ногу Татьяны и уже беспрепятственно закрыл дверцу. Затем этот человек быстро загрузил в багажник велосипеда.

– Поехали, – скомандовал он.

Цепenea от ужаса, Леонид беспрекословно подчинился.

Она начала приходить в себя и почувствовала резкую боль в запястьях.

– Таня...

Она моргнула и не без труда открыла глаза. В голове что-то шумело и ухало. Будто к ней в черепную коробку через уши заползли голодные жуки и теперь торопливо высасывали ее мозг.

– Таня, очнись! – сказал Леонид.

Он сидел прямо перед ней, как-то странно вытянувшись вперед. Их разделял небольшой стол, и только сейчас Татьяна поняла, в чем причина столь странной позы ее жениха. Их руки были связаны между собой. Она потянулась назад и почувствовала, что не может пошевелить ступнями.

– Ноги они тоже связали, – пояснил Леонид дрогнувшим голосом.

– Где мы? Кто они такие? – спросила Татьяна и начала крутить запястьями в попытке ослабить узлы.

– Ты мне делаешь больно, перестань! – нервно выкрикнул Леонид. – Я не знаю, кто они.

Увидев его потное, искаженное болью лицо, она притихла и огляделась. Судя по всему, они находились в каком-то хозяйственном помещении вроде сарая. Окон тут не было, пол устлан грязной соломой. Кроме стола и четырех стульев, внутри ничего нет. Куда их занесло?!

– Ты говорил, у тебя проблемы на работе, – сказала она, вспомнив их недавний разговор. – Это как-то связано?..

– Проблемы... Ну и что? – Леонид раздраженно облизал губы. – Да, я должен кое-кому, но держу связь с коллекторскими агентствами. Нас никто не стал бы похищать!

– Ты помнишь, как мы сюда попали?

Бизнесмен вздохнул и проговорил:

– Тебя вырубili сразу. Мы выехали на Горьковское шоссе, потом мне надели мешок на голову, и машину вел кто-то из этих уродов. После этого мы ехали еще где-то час или полтора. На хрена ты вышла из машины? – с нескрываемой злобой спросил он, и Татьяна остолбенела. – Черт же тебя дернул в благородство поиграть! Видишь, к чему привел твой альтруизм?

– Ленья, ты что?.. – Она растерянно улыбнулась. – Да кто мог знать, что все этим закончится?!

Таня была подавлена. Она хотела сказать, что если бы Леонид не стал скрывать от нее свои проблемы, то, возможно, сегодняшнего случая удалось бы избежать, но решила не спорить с женихом. Он и так был на грани срыва.

– Любой нормальный человек поступил бы так же, – тихо сказала она.

Леонид ничего не ответил.

Он лишь недовольно сопел, и Татьяна предложила:

– И все же давай попробуем ослабить веревку. Пока никого нет.

– Они снаружи. Ты все равно не сможешь убежать отсюда, – вяло проговорил Леонид.

Татьяна не выдержала и заявила:

– Значит, мы так и будем сидеть напротив друг друга и выяснять, кто из нас виноват?! Ленья, будь мужиком! Ты же можешь!

– Могу. Ты только наверх взгляни, – охрипшим голосом сказал Леонид. – И твой пыл немного угаснет.

Что-то в голосе будущего супруга заставило Таню замолчать. Женщина медленно подняла глаза. Прямо над ее головой беспорядочными щупальцами свисали железные цепи и ремни из толстой кожи.

– Как ты думаешь, зачем нас сюда привезли? – не глядя на невесту, задал вопрос Леонид.

Таня уже собралась ответить, как протяжно заскрипела массивная дверь. Внутри вошли двое. Бросив взгляд на этих субъектов, Татьяна не знала, плакать ей или смеяться.

«Я в сказке, – пронеслась у нее нелепая мысль. – Или это просто идиотский сон».

На данных персонажах были маски Винни-Пуха и Пятачка. При этом Пятачок был одет в синий клетчатый комбинезон, а Пух облачен в темно-коричневый костюм медведя. В руках он держал небольшой рюкзак камуфлированной расцветки.

– Привет, – хором сказали они.

Голос Пуха оказался низким, с хрипотцой, из чего Таня сделала вывод, что именно он изображал раненого на обочине.

– Ты в порядке? – спросил этот тип, погладив Таню по голове, и та испуганно дернулась.

Пух захихикал и заявил:

– Добро пожаловать в сказку, мои друзья. Думаю, нам не нужно представляться друг другу. Мы знаем вас, вы – нас. Книжку-то в детстве вы читали?

– Она – да. – Пятачок указал на Таню. – А он вряд ли, Винни. Может, мультик смотрел. Ему некогда было книжки читать, он друзьям фантики от жвачек продавал за тройную цену. Спекулянт.

– Ну, ничего. Мультик тоже нормально, – успокаивающе сказал Пух, и Татьяне начало казаться, что ее сознание начинает медленно сползать в пучину безумия.

Что нужно от них этим вырядившимся клоунам?!

– Отпустите нас, – подал голос Леонид.

Капля пота повисла на кончике его носа и шлепнулась на гладкую поверхность стола.

– Зачем? – искренне удивился Пух и тяжело уселся за стол.

Ножки табуретки при этом скрипнули в знак протеста.

– Вам у нас понравится. Вы у нас в гостях, и скоро будет угощение. А перед этим – маленькая сказка. Чтобы, так сказать, аппетит нагулять.

– Я не хочу есть, – пробормотал Леонид, взор которого помимо его воли вновь устремился на эти жутковатые ремни.

Ему начало казаться, что они живые. Одно мгновение, и эти змеи, пока дремлющие, обовьются вокруг твоей шеи смертельными обручами.

Пух с Пятачком проследили за взглядом мужчины и весело рассмеялись.

«Ни дать ни взять представление в детском садике, – подумала Таня, пошевелив пальцами немеющих ног. – Вот только вместо малышни тут парочка взрослых людей, ополоумевших от страха».

– Дойдет время и до этого, – самодовольно заявил Пух. – Итак, вы готовы слушать? Нам не придется наказывать вас за непослушание?

Пятачок потянулся к рюкзаку и вытащил из него молоток и прозрачную баночку, в которой что-то звякнуло. Гвозди!..

– Кто перебьет моего друга, тому я буду прибивать палец к столу, – заявил он, аккуратно положив молоток прямо перед собой.

Таня почувствовала, как в ее глотке застрял плотный комок. Она посмотрела на стол. Черные маленькие углубления усеивали почти всю его поверхность. Это говорило о том, что Пятачку не раз приходилось наказывать неусидчивых слушателей их сказок.

– Надеюсь, эти меры не понадобятся, – мягко произнес Пух, потрепав Леонида за ухом, словно тот был щенком. – Ты же умеешь внимательно слушать, да? Иначе твой бизнес оказался бы в заднице. Вы готовы?

Леонид с Татьяной кивнули почти одновременно.

– В общем, жил да был на свете Кролик. Очень умный Кролик, должен вам сказать. Кстати, Пятачок, ты пока можешь приготовить угощение.

Напарник Пуха понятиливо кивнул и снова закопошился в рюкзаке. Скоро на столе оказались две жестяные банки со сгущенкой и стеклянная литровая с густой темно-желтой субстанцией.

«Мед!» – пронеслось у Татьяны, и ей вдруг захотелось расхохотаться.

Истеричный смех рвался из глотки, и лишь молоток и невзрачная баночка, заполненная гвоздями, заставили ее намертво сжать челюсти, похоронить внутри какой бы то ни было звук.

– Кролик был очень занятой, не любил тратить время зря, зарабатывал деньги, имел большие планы. У него было много норок, но он не рыл их сам, а платил другим кроликам, тем, которые победнее. Короче, на него работал почти весь лес.

Пятачок между тем вынул из заднего кармана перочинный нож и, шумно кряхтя, принялся открывать банки. Леонид словно замороженный следил за его движениями.

– В конце концов Кролик скопил столько денег, что не знал, куда их девать. Они хранились в цветочных горшках, под кроватью, в бачке унитаза. Он зазнался, перестал здороваться с друзьями и считал себя выше других зверюшек. – Пух покосился на банку с медом, многозначительно хмыкнул и продолжил: – Однажды он нанял себе уборщицу. Сейчас их называют менеджерами по клинингу, хе-хе. Но, по мне, уборщица, она и есть уборщица. Вообще-то это неважно. Он приглядел для этого милую Белочку. Она приходила к Кролику каждый день, драила ему полы, стирала, мыла посуду, короче, делала все, что тот ей приказывал. Ведь ей нужно было кормить своих бельчат. – Пух в упор посмотрел на Таню.

Сквозь дырочки в маске ее изучали немигающие, абсолютно безумные глаза. Ей стоило неимоверных усилий выдержать этот взгляд.

Мужчина, переодетый в медведя, усмехнулся и заявил:

– Я знаю, какой вопрос вертится на твоём язычке, киска. Почему Белочка сама не набрала орешков для своих деток? Отвечаю – Кролик позаботился о том, чтобы на него батрачили другие бедные белочки. Они собирали орешки, а он их потом продавал. Этот мерзкий Кролик захватил весь лес, превратил его в чертов мегамаркет. Ягоды, грибы, мед – все это добывали для него нанятые зверюшки. – Он еще раз посмотрел на Таню. – Хорошо, что ты промолчала, киска. Иначе Пятачок приколол бы к столу твой нежный пальчик.

С губ Татьяны сорвался едва слышный вздох.

– Что там у нас дальше-то приключилось? – Пух завожился на расшатанной табуретке. – Ах да. Белочка была очень хорошенькая. Да что там хорошенькая, просто красавица! Спортсменка-комсомолка, как говорится. Да, забыл добавить, у Кролика была жена. Но она быстро ему надоела, и он начал засматриваться на Белочку.

Пятачок закончил с банками, окунул указательный палец в одну из них и поднес его к лицу. Из щели для рта высунулся кончик языка и старательно слизал с пальца сгущенку.

Это заметил Пух.

– Невоспитанный обжора, – сказал он, но голос его звучал беззлобно, даже добродушно. – Свинья и есть свинья.

– Хрю-хрю, – ответил Пятачок.

– Ладно, извините, что отвлекся. Однажды Кролик выпил слишком много вина. В этот день как раз должна была прийти Белочка. И как только она появилась, он начал приставать к ней. Белочка уговаривала Кролика отстать от нее, но он был настойчив. Когда она поняла, что он не шутит, было слишком поздно. Полагаю, не нужно останавливаться на подробностях того, что произошло дальше. Белочке удалось выбраться из норки Кролика только через несколько часов. Она плакала, ей было больно и очень плохо. Бедняжка сразу побежала жаловаться в звериный суд. Но, к сожалению, у Кролика были отличные связи и много денег. Суда не было, дело тихо замяли. Кролик сумел убедить весь лес в том, что Белочка – жадная лгунья. Она просто хотела заработать на нем. – Тут Пух сцепил перед собой руки, и мозг Татьяны неосознанно зафиксировал, что на них до сих пор велосипедные перчатки. – А Белочка, между прочим, забеременела. От Кролика, разумеется. Но ей опять никто не поверил. От нее отвернулись все обитатели леса, даже перестали здороваться. Они считали ее плохой Белочкой. Кстати, Кролик уволил ее, и ей опять стало нечем кормить своих бельчат. От безысходности она решила покончить с собой. Белочка написала предсмертную записку, залезла на крышу своего домика, облила себя бензином и подожгла. – Субъект, переодетый в мультяшного медвежонка, замолчал.

Хранил безмолвие и его напарник. Он внимательно изучал складки на своих перчатках.

«Значит ли это, что сказка окончена?» – подумала Татьяна.

Ей чудилось, что она слышит стук собственного сердца, похожий на удары крошечного молоточка, правда, гораздо более быстрый, чем обычно. Но ведь это и понятно – не каждый

день тебя и твоего любимого человека похищают какие-то сумасшедшие, вырядившиеся персонажами из мультика.

– Белочка умерла, – наконец нарушил молчание Пух и расцепил пальцы. – Но даже после ее смерти Кролик пытался всех убедить в том, что она сгорела случайно. Мол, кто-то из бельчат баловался со спичками, и начался пожар. Вот так. Пустяки, в общем. Все пошло своим чередом. Теперь в норке Кролика убиралась уже другая белочка. Потом, правда, этот Кролик незаметно исчез. Наверное, решил сменить лес. В этом ему уже было неинтересно. А теперь вопрос – кто знает, что это за Кролик?

Таня взглянула на Леонида и вздрогнула. Лицо ее жениха исказилось до неузнаваемости. Он словно увидел наяву самый страшный кошмар, преследующий его с детства.

– Знаешь, Винни, а мне кажется, я знаю, кто этот Кролик, – все так же разглядывая перчатки, подал голос Пятачок.

– Да ну? – оживился Пух. – Сделай одолжение, скажи. А то у меня в голове опилки, и я никак в толк не возьму, кто он, этот Кролик.

– Закройте глаза, – скомандовал Пятачок. – Сейчас будет сюрприз.

– Хватит, – разлепил губы Леонид, лицо которого было блее бумаги. – Слушайте...

– Замолчи! – оборвал его Пух. – Сказка еще не окончена. Или хочешь гвозди в пальцы? Леонид закрыл глаза. Чуть помедлив, Татьяна последовала его примеру.

В ее мозгу раненой птицей трепетала одна-единственная мысль:

«Боже, они убьют нас!»

Потянулись секунды невыносимого ожидания. Наконец ее слух уловил шуршащий звук, словно кто-то разворачивал подарочную упаковку. Затем раздался вскрик Леонида.

– Ты заткнешься или нет? – ласково осведомился Пятачок. – Не сопротивляйся. Все, можете смотреть.

Таня приоткрыла веки. На ее женихе была маска кролика. Леонид качал головой из стороны в сторону, словно собака, пытающаяся избавиться от надоевшего ошейника.

– Ух ты! – восхитился Пух. – Так вот ты какой, северный олень. Кролик то есть.

– Я же говорил!.. – Пятачок скромно потупился. – Правда, я очень способный поросенок?

– Да. Ты заслужил корзинку желудей.

– Я ничего не делал! – Голос Леонида ничем не отличался от карканья.

– Мне жутко надоел этот невоспитанный Кролик, – недовольно сказал Пух. – Из-за него я никак не могу закончить сказку.

Пятачок мгновенно потянулся к молотку. Пух словно клещами сжал мизинец левой руки Леонида и оттопырил его в сторону. Глаза Таниного жениха выкатились наружу, рот открылся и тут же захлопнулся, как крышка шкатулки.

– Нет, – зашептал Леонид.

Он стиснул пальцами руки Татьяны, и она почувствовала, что они ледяные.

Видя, что псих в поросячьей маске взял банку с гвоздями, женщина взмолилась:

– Не надо. Прошу вас. Мы будем молчать!

– Киска, закрой свой чудесный ротик, – с ухмылкой проговорил Пух. – Или ты будешь следующей.

– Не надо! – закричал Леонид.

– Держи крепче, – сказал Пятачок.

– Смотри, мне по лапам не попади, – предупредил друга Пух, удерживая кисть Леонида. – А то я заставлю съесть тебя эти гвозди вместе со сгущенкой.

Пятачок коротко взмахнул молотком и тремя ударами вогнал гвоздь в среднюю фалангу. Воздух в сарае разорвал истошный крик.

– Фу!.. Разве можно так визжать? – осуждающе заметил Пух. – Если ты не угомонишься, то Пятачок приколотит тебе яйца к стулу. Замолчи!

– Леня, пожалуйста, – чуть слышно проговорила Таня.

Он взвыл еще раз и затих. От пригвожденного пальца по столу узкой змейкой струилась кровь.

– Итак, продолжаем. Точнее, заканчиваем – уже немного осталось. К счастью, у Белочки были хорошие друзья. Мы с Пятачком решили не оставлять просто так это дело. Зло должно быть наказано. Верно? Правда, как я уже говорил, Кролик пропал. И не потому, что захотел сменить лес. Скорее всего, он понял, что его хотят найти, и решил спрятаться. Друзья Белочки начали искать негодяя. Это продолжалось долго-долго. – Пух поднял с пола рюкзак и засунул в него свою громадную лапу. – Долго-долго, – пробормотал он. – Долго-предолго!.. Черт, куда он подевался?

– Что, мед? Он на столе. – Пятачок указал на банку.

– Без тебя вижу. Где?.. Ага, вот.

На стол неслышно лег слегка измятый конверт.

– Достань!.. – приказал Пух, и Пятачок вытащил из него несколько цветных фотографий.

– И вот мы наконец-то вместе, Кролик, – обратился к Леониду Пух. – Это фотографии Белочки. Так, чтобы освежить тебе память. Да и киска твоя пусть посмотрит, за кого она замуж собралась.

Последняя фраза эхом пронеслась в голове Татьяны.

«Замуж собралась!.. Им известно даже это».

– Вот такой Белочка была до случившегося, – сказал Пух. – А это – уже из морга. Кролик, ты что отворачиваешься? Не нравится?

Таня, преодолевая страх, посмотрела на фото. На одном снимке – симпатичная женщина с милой улыбкой и доверчивым, открытым взглядом, на другом – почерневший череп с пустыми глазницами и разъявленным ртом.

– Это подделка, – прохрипел Леонид.

– Дурак, что ли? – с обидой произнес Пятачок и громыхнул банкой с гвоздями.

Леонид тут же затрясся, как на электрическом стуле.

Пух успокаивающе поднял руку и проговорил:

– Сказка закончилась. А теперь начинается быль. Да, Кролик. За свои поступки нужно отвечать.

Леонид замер, его левая рука еще крепче вцепилась в пальцы Тани.

– Леня, это правда? – очень тихо спросила она.

Ее жених всхлипнул.

– Правда. Кстати, Белочку звали Галя, – вместо него ответил Пятачок, убирая фотографии в рюкзак.

– Это было очень давно, – выплевывая слова, проговорил Леонид. – По обоюдному согласию. Никто не знал, что она пойдет на такое!..

– И тем не менее. – Пух пожал плечами. – Как говорится, хрен на рыло. То есть факт налицо. – Он немного помолчал, потом поскреб затылок и сказал: – Давайте перекусим немного, а потом займемся делом. Пятачок, покорми гостей. Не видишь, у них руки заняты?

Пятачок с готовностью всунул в банку ложку, помешал сгущенное молоко.

– Спасибо, я не голодна, – отказалась Таня, которую замутило только от одного вида сгущенки, лениво стекающей с ложки.

– Мало ли чего вы не хотите, – пропыхтел Пятачок и буквально воткнул ложку в рот женщине, чуть не порвав ее губу. – Давай, киска. За маму, за папу. За сказки. За баночку с гвоздями. Ты ведь не забыла о ней? Вот и умница!..

Таня едва успевала глотать сладкое месиво. Давясь и кашляя, женщина молила Господа, чтобы сгущенка не забила ей горло, иначе она попросту захлебнется. Вот смеху-то будет – умереть от сгущенного молока!

– Молодец, – похвалил ее безумец и повернулся к Леониду: – Теперь ты.

– Я не могу. Меня вырвет, – выдавил из себя Леонид.

– Тогда я размешаю твою блевотину со сгущенкой, и мы повторим все еще раз, – заявил Пятачок, надвигая ему маску на макушку. – Давай, ешь. Ведь ты тогда нас с Винни накормил, да? Точнее, только его. Я-то весь вечер проторчал за столом с салфеткой, повязанной на пятачке.

– А я застрял в твоей норке, – вставил Пух. – Помнишь, как вы меня тащили наружу? А ты, Кролик, меня еще попрекал, что, типа, кто-то слишком много ест. Да, веселые были деньки. Ты тогда был нормальным Кроликом, сам подметал полы у себя дома. Если тебе нужна была Белочка или молоденькая Лисичка, то ты обращался ко мне. Старый добрый Винни всегда помогал тебе расслабиться и выпустить пар. – Он подвинул к себе банку с медом. – Мед если есть, то его сразу нет. Золотые слова.

Пока Пятачок кормил Леонида, Пух с рассеянным видом поглаживал банку, как если бы она была живым существом.

– Все, – пробубльнул Леонид. – Не могу больше. Прошу, не надо...

– Извиняй, Кролик, моркови нема. Ладно, хватит, – сказал Пух, снисходительно глядя на лицо мужчины, измазанное сгущенкой. – А то он и правда тут все заблюет. Скажи спасибо, что я тебя не заставил съесть весь этот мед.

– Спасибо, – проблеял Леонид, трусливо вжав голову в плечи.

Татьяна не могла отвести от него взора. Ее до глубины души потрясла история, в подлинности которой сомневаться уже не приходилось. Леня сам признал, мол, что-то там такое было. Ее отношение к нему изменилось. По глубокому чувству прошла крошечная трещинка.

Она смотрела на жалкое, напуганное до смерти лицо своего жениха – а своего ли? – и ей казалось, что эта трещинка начинает неумолимо разрастаться. Так покрывается паутиной лобовое стекло, в которое попал булыжник. Машина подскакивает на кочке, и возникает новая трещина. В хорошо отлаженном механизме сломалась какая-то мелкая, но важная шестеренка, из-за чего весь агрегат заскрежетал и встал на месте.

«Леонид изнасиловал женщину, которая забеременела от него и сожгла себя заживо».

Эта фраза вновь и вновь скользила в ее сознании будто бегущая строка. Каждое слово в ней было каким-то грязным, ужасным. Они походили на комки черной осклизлой мерзости, которая со временем изнутри налипает на канализационные трубы.

– Зачем мы вам нужны? – спросила Татьяна и с трудом узнала собственный голос, похожий на скрип мела по доске.

Пух с Пятачком переглянулись.

– Кролик очень провинился перед Белочкой. Двое бельчат остались сиротами, – пояснил Пух и развел руками, словно выражая сожаление. – Извини, киска, но он будет наказан.

– Вам нужны деньги? – спросила Таня, прилагая все усилия, чтобы голос ее звучал решительно.

Пух хрипло засмеялся, его приятель присоединился к нему.

– Разве зверюшкам нужны деньги? – задал вопрос Пух. – А, Пятачок?

– Не-а, – ответил тот и замотал головой. – Мне лично нет. Это жадному Кролику нужны деньги.

– Эй, Кролик, – окликнул Леонида Пух. – Ты сам-то понимаешь, во что влип? Как говорится, нагадил, так убирай за собой.

Леонид перевел на него отсутствующий взгляд. Он и впрямь напоминал кролика, который выскочил на трассу и застыл при виде фуры, несущейся на него.

– Сколько?.. – промямлил он.

– Э-э-э... – протянул Пух, словно решая в уме, какая сумма будет оптимальной в сложившейся ситуации. – Как насчет орешков?

Леонид изумленно разинул рот.

– Чего?

– Орешки, – терпеливо повторил Пух. – Ну, знаешь, в шишках которые.

– Хрум-хрум, – подхватил Пятачок. – Не ел орешков, что ли?

– Может, и не ел. Кролики капусту едят, – важно заявил Пух. – И морковку. А зимой – кору. Короче, херню всякую вегетарианскую трескают. Ладно, мы отвлеклись. – Он снова полез в рюкзак, вытащил потрепанный блокнот и принялся неуклюже листать его. – Так, где это было?.. Кстати, Пятачок, нам завтра утром к Ослику зайти надо, помнишь? У меня тут заметка. Только забыл, для чего.

– У него день рождения, – отозвался Пятачок.

– Ясно. Опять дырявый шарик подаришь?

– У меня их не осталось, забыл, что ли? – напомнил Пятачок.

– Ну да. На одном я летал за медом, второй ты сломал, то есть он лопнул. Так, листаем дальше. Вот, нашел. Значит... – Пух задрал голову, словно пытался что-то вспомнить.

– Плохо, когда твоя голова набита опилками, да? – сочувственно поинтересовался Пятачок.

– Ничего, справлюсь, – буркнул Пух, опустил голову, уставился на Леонида и проговорил: – Семьсот тысяч лукошек с орешками. Это бельчатам. И нам за работу. Мне – двести тысяч горшочков с медом, и вон ему, – Пух кивнул в сторону напарника. – Да, этому свиненку сто тысяч корзинок с желудями. Итого – миллион.

– Это почему тебе двести, а мне сто? – обиженно просопел Пятачок. – Так нечестно, Винни.

– Потому что я главный, – отрезал Пух.

– Давай пополам.

– Нет, – Пух был непреклонен. – Я тебе и так простил, что ты в меня из ружья попал, пока я за медом летал. У меня до сих пор зад болит, когда я сижу.

– А я из-за тебя свой шарик испортил, – парировал Пятачок. – Ладно, давай так. Сто тысяч корзинок с желудями и тысяча воздушных шариков. Только разноцветных!

– Ты слышал, Кролик? – Пух затормошил Леонида, который с обалделым видом слушал разговор этих сумасшедших вымогателей.

– Шарики должны быть цветными, – упрямо повторил Пятачок.

– У меня нет ни шариков, ни орешков, – тоскливо ответил Леонид и машинально слизнул сгущенное молоко с верхней губы.

– Ладно. Не буду тебя мучить, – миролюбиво сказал Пух. – Миллион, Кролик. Только не рублей, а евро.

– А как же желуди? – заныл Пятачок.

– Дурак! – в сердцах бросил Пух. – Когда у тебя будут деньги, ты сможешь купить себе эти чертовы желуди. Они вообще бесплатно в лесу валяются. Под дубом, если ты не в курсе. Совсем обленился, свинтус! – Он снова повернулся к Леониду и спросил: – Ну так как?

– У меня нет таких денег, – с усилием выговорил тот.

Пух кивнул, словно и не ожидал другого ответа.

– Я знаю, – сказал он. – Так, проверить хотел. Думаешь, я ничего про тебя не выяснил? Ты разорился. Кролик-голодранец. А все твоя жадность. Мне, мне, мне!.. Все мне. Забыл мою песенку? Мед, то есть миллион, если есть, то его сразу нет. Особенно если жить так, как это делаешь ты. Фуршеты, сауны, машины!.. На хрен тебе все это было нужно?! – Он толкнул Пятачка в плечо. – Я же говорил тебе, что Кролик нищий.

– Жаль, – Пятачок был явно расстроен.

Все его мечты о цветных шариках вдребезги разбились о суровую реальность, превратились в пыль и прах.

– Послушайте, прекратите этот цирк, – вмешалась в разговор Татьяна.

– Киска, заткнись. У тебя есть миллион?! – рявкнул Пух, и Татьяна увидела, какой яростью сверкнули его глаза в прорезях маски. – Ты готова спасти своего Кролика?!

– Давайте поговорим нормально. Пока вы в масках, а мы связаны, диалога не получится, – осторожно сказала она. – Миллиона у меня, к сожалению, нет.

– А он и не нужен, – неожиданно тихо произнес Пух.

На этот раз его голос был совершенно серьезным, без кривляний.

– Мы просто трахнем твоего мужа, а потом сожжем его лицо. Око за око. – Он с кряхтением вылез из-за стола, навис прямо над ними, сжал кулаки и прорычал: – Зуб за зуб.

Из прорези для рта потянулась длинная нить слюны, и Татьяна замерла от ужаса.

Пятачок возбужденно захрюкал и принялся выковыривать гвоздь, которым был прибит к столу мизинец Леонида. Тот застонал, когда из покалеченного пальца побежала свежая кровь.

– Развяжи их и займись киской, – приказал Пух, становясь сзади Леонида.

Пятачок, радостно повизгивая, кинулся к женщине, ловко распутал узлы, освободил ее ноги и привязал Таню к стулу. Пух тем временем сорвал с Леонида рубашку.

– Пожалуйста, – еле шевеля губами, пролепетал тот.

– Наверное, Белочка тоже тебе говорила «пожалуйста»? – хрипло осведомился Пух. – Пятачок, спускай ремешки.

Поросенок вскочил на стол, закричал от натуги и подтянул ремни ниже.

– Давай, помоги мне, – сказал Пух.

– Прекратите! – закричала Татьяна, видя, как эти уроды сорвали с Леонида брюки и трусы.

Он завыл, пытался брыкаться, но Пух без труда сломил его сопротивление несколькими точными ударами в живот. Леонид зашелся кашлем, его голова бессильно повисла. Он мог издавать лишь нечто вроде комариного писка.

Пятачок застегнул на нем широкий пояс, похожий на тот, которые используют тяжелоатлеты. К нему на крупных хромированных карабинах крепились две толстые цепи, уходящие к потолку. Пух зафиксировал ремнями руки и ноги Леонида. Теперь его тело беспомощно колыхалось в воздухе, словно кукла-марионетка.

– Не нужно. Я умоляю вас, – глотая слезы, простонала женщина.

– Таня, помоги!.. – прохрипел Леонид, кожа которого моментально покрылась крупными пупырышками.

Садисты отошли на шаг назад и любовались проделанной работой.

– Ты когда-нибудь трахал кроликов, Пятачок? – задумчиво спросил Пух, положив свою пудовую ручищу на плечо приятеля.

– Нет. Но я пользовал зайца. – В голосе Пятачка зазвучала надежда. – А он наверняка баловался с крольчихой. Это одно и то же, Винни?

– Наверное, – не совсем уверенно проговорил Пух. – Не забывай, что у меня в голове. Опилки, вопилки и сопелки. Пум-пуру-пу-пум.

– Правда, тот заяц был дохлым, – уточнил Пятачок, почесав ухо. – Я отгрыз ему голову.

– Эх ты, – разочарованно протянул Пух. – С дохлыми любой может. А с живыми тебе слабо.

– Зато ты пукаешь во сне! – выпалил Пятачок, но Пух и бровью не повел.

– Ты, когда желудей обожрешься, тоже мастер по этим делам. Хоть противогаз надевай. Ладно, не будем ссориться. Ты ведь не виноват, что на живых у тебя не встает. – Пух хохотнул, и Пятачок визгливо рассмеялся вместе с ним.

– Мы убьем этого Кролика, да? – деловито спросил он, и его взгляд остановился на молотке.

– Нет.

– Тогда это будешь делать ты, – со вздохом сказал Пятачок. – Я не смогу.
– Сможешь, – успокоил его Пух, нагнулся над рюкзаком и начал рыться внутри.
– Какая удобная вещь, твой рюкзак, – похвалил Пятачок.
– И не говори. В нем можно хранить все, что захочешь. Туда влезет даже целый воздушный шарик. Где же это? Ага.

В следующую секунду в руках Пуха оказался громадный фаллоимитатор, усеянный мелкими крючками. Искусственный член был прикручен болтами к металлической пластине, державшейся на двух перекрещивающихся ремнях с латунными пряжками.

Пятачок восторженно хрюкнул и запрыгал на одной ножке.

– Это я у Совы вчера одолжил, – хвастливо заявил Пух. – Старая вешалка, а все туда же!..

Они с восхищением разглядывали это средство для пыток.

– Класс, правда? – сказал Пух. – Ну-ка примерь! Да, и вот еще...

– Что это?

– Надевай. Уж все равно лучше, чем твои копыта, – сказал Пух, протягивая приятелю странные приспособления, от вида которых Татьяна затошнило.

– Как у ниндзя, да? – Пух усмехнулся, видя, как Пятачок надевает на руки перчатки с кривыми шипами.

Почти такие же штуки он нацепил на ноги.

– Ты похож на монтажника-высотника, – сообщил Пух, заботливо помогая приятелю закрепить на талии фаллоимитатор. – Наверное, этот монтер возбуждается от вида фонарных столбов. Смотри, будь аккуратен. Из Кролика сейчас польется как из свиньи.

– Не трогай мою родню! – предупредил Пятачок, затягивая потуже ремни.

– Вы сошли с ума, – заявил Леонид и глупо улыбнулся. – Это ведь все прикол, да?

Пух беспечно махнул рукой, подошел к столу, открыл банку с медом и зачерпнул янтарное месиво ложкой.

– Это для смазки, – пояснил он неизвестно кому. – Мы же не варвары какие-нибудь.

Он шлепнул мед на ягодицы Леонида и старательно размазал его ложкой. Тот заголосил, срывая глотку. Его нечеловеческие вопли щипцами сдавливали измученный мозг Татьяны.

Пятачок, царапая пол крючьями, заковылял к Леониду и повернул дергающееся в конвульсиях тело к себе задом.

– Нет... Нет, нет... нет... – шептал тот.

– Тебя посадить? – с участием спросил Пух друга. – Хочешь, я просто брошу тебя на Кролика? Как котенка на занавеску? Удержишься на коготках?

– Не надо, я сам. Ремни чуть ослабь, а то мне высоко.

– Я сделаю все, что вы захотите, – икая, выдавил Леонид.

Из его глаз хлынули слезы.

– Не бойся, – ласково произнес Пятачок. – Больно будет только сначала. – Он провел когтями по его спине, и взрыленные борозды кожи тут же набухли темной кровью.

Леонид взвыл от ужаса и боли, изогнулся, стараясь стряхнуть психопата, прильнувшего к нему. Но Пятачок вцепился в него словно клещ.

– Иди к папочке, – зловеще зашептал он. – Хрю-хрю.

Член, утыканный шипами, уперся в анальное отверстие пленника. Леонид завизжал. Один крючок зацепил розовую плоть, из ранки выступила бусинка крови.

– Остановитесь, – без каких-либо эмоций сказала Татьяна.

Пух с Пятачком удивленно повернули головы.

– Больные уроды, – процедила она. – Развяжите нас. Будем на равных.

– Ты тоже хочешь любви? – спросил Пух и покосился на нее. – Не сердь меня. А то я займусь тобой.

– Только попробуй. Оторву твой стручок к чертовой матери! – пообещала женщина.

Ее ноздри гневно раздувались, на скулах играли желваки.

Она сплюнула и заявила:

– Импотенты!

– Я не импотент, – насупившись, возразил Пятачок и отстранился от Леонида. – Винни, чего она обзывается? Я умею трахаться.

– Ну да. Я уже поняла, что ты некрофил.

Пятачок обиженно хрюкнул и застенчиво возразил:

– Это уже детали.

Татьяна яростно смотрела на маньяков.

– Импотенты? Больные уроды? Знаешь что, Пятачок, – медленно проговорил Пух. – Мне тут в голову пришла гениальная мысль. Хотя у меня там одни опилки.

Мультикшный поросенок с интересом уставился на друга.

– Вы ведь жениться собирались? Так? – обратился к женщине Пух.

Она промолчала.

– Можешь не говорить, я все знаю, – снисходительно процедил Пух и наклонился к уху Леонида. – Вот что, лапочки мои. – Все, что собирались сделать с тобой, мы произведем с твоей невестой. Тогда твой долг будет списан. Уж так и быть, я поищу мед в дупле с пчелами.

Леонид исподлобья глядел на сумасшедшего.

– Только один нюанс, – сказал тот. – Ничего не будет без твоего согласия. Ты говоришь «да» – и мы сажаем тебя за стол. А твою киску – сюда.

– Вы убьете ее! – Леонид замотал головой.

– Нет, Кролик. Твоей киской займусь лично я, – сказал Пух, сально подмигнув жениху. – Все будет происходить естественно. Прибамбасы Совы мы использовать не станем.

Леонид шумно дышал, старался не встречаться взглядом с побледневшей Татьяной. Закусив до крови губу, она неотрывно смотрела на жениха.

– Кролик, у тебя ровно минута, – поторопил Пух. – Или ты отказываешься, и тобой занимается секс-машина Пятачок, или вы с киской меняетесь ролями. Кстати, в первом случае должок за тобой остается. – Пух чихнул и добавил: – Имей в виду, что твое молчание будет считаться согласием.

– Леня! – вскрикнула Татьяна.

Леонид отвернулся. Он до сих пор не мог поверить, что весь этот непрекращающийся кошмар происходит именно с ними.

Миллион. Семьсот тысяч лукошек с орешками, воздушные шарiki!.. Тьфу!

– У тебя осталось тридцать секунд, – вернул его к действительности голос Пуха.

– Леня, – негромко позвала Таня.

Он заторможенно, как в замедленной съемке, поднял голову.

– Я люблю тебя, – сказала она, глядя ему в глаза.

«Я тоже», – хотел было проговорить он, но какая-то неведомая внутренняя сила удержала его.

Словно чья-то бестелесная рука закрыла ему рот. Леонид снова вспомнил сон, где Татьяна превратилась в ту самую девку, как там ее, Галя?..

У него мгновенно пересохло в горле. Перед глазами скользнуло видение, от которого в жилах похолодела кровь, – здоровенный фаллос, утыканный крючками. Только от одной мысли о том, на что эта штуковина способна, окажись она внутри его тела, паника ураганной волной вымывала из него все человеческое, оставляя лишь всепоглощающий ужас. Сейчас он был не в состоянии здраво рассуждать, им двигали исключительно паника и инстинкт самосохранения.

– Пятнадцать секунд.

Леонид с трудом сглотнул. Он вспомнил их первое свидание, незабываемый вкус губ Тани и, сам того не замечая, провел языком по губам. Они все еще были сладкими от подсыхающей сгущенки.

«Разве ты не мужик? – заговорил в нем внутренний голос. – Ты не можешь вот так просто молчать. Через несколько секунд твою невесту будет насильовать этот жирный психопат в прикиде Винни-Пуха, а ты будешь смотреть на это?!»

– Таня... – прошелестел он. – Таня, я...

– Пять секунд.

«Я люблю тебя».

– Прости меня. – Эти слова вывалились из его рта как черви из гнилой раны.

– Кролик!.. – услышал он жаркий шепот.

Пух смотрел прямо на него. От этого негодяя несло смесью меда и застарелого пота.

– Время вышло.

Леонид опустил глаза. С мизинца все еще капала кровь и смешивалась на полу с мочой. Интересно, когда он успел так облажаться?

Пух хлопнул в ладоши, и Пятачок начал нехотя снимать с себя пыточные приспособления.

Татьяна сидела ровно и совершенно неподвижно. Ее бледное лицо было не просто красивым, а божественно-прекрасным.

Спустя несколько минут Леонид торопливо натягивал на себя брюки.

– Иди за стол, – приказал Пух, перехватил его недоуменный взгляд, ухмыльнулся и заявил: – А что ты думал? Мы тебя отпустим? Хе-хе, да ведь сейчас начинается самое интересное! У нас вся ночь впереди.

Леонид с обреченным видом поплелся к столу. На мгновение у него возникла безумная мысль попытаться выбежать из сарая. Но он увидел молоток в руке хихикающего Пятачка и тут же запрятал эту идею в самую глубокую расщелину подсознания.

«Я трус!» – подумал Леонид и передернул плечами.

Татьяна в упор разглядывала его, плотно сжав губы.

– Может, мы как-нибудь договоримся? – робко спросил жених, не поднимая глаз. – Не трогайте ее. Я напишу расписку, верну деньги.

– Где ты возьмешь миллион, Кролик? – искренне удивился Пух. – Ты торчишь в долгах, как писюн в горчице. Тебе никто даже морковки займы не даст. Даже твоя норка, квартира то есть, под залогом в банке. А своей распиской лучше подотри задницу, иначе ты привлечешь пчел. – Пух шагнул к Тане, положил на ее хрупкие плечи свои могучие руки.

– Но постойте... – начал было жених.

– Глупенький Кролик! – перебил его Пух. – Время переговоров закончилось. Теперь ты просто зритель. Смотри и наслаждайся. Надеюсь, тебе не нужно приколачивать руки к столу?

– Убери лапы, – спокойно сказала Таня.

– Не уберу. – Сквозь щель в медвежьей маске выглянул влажный кончик языка. – Ты еще не знаешь, что тебя ждет, киска.

– Ты умрешь, если тронешь меня хоть пальцем.

– Трону-трону. И не только пальцем! – Пух похотливо ухмыльнулся. – Пятачок, развяжи ее.

Как только конечности Татьяны были освобождены, она пружиной рванулась вправо. Пух едва успел схватить ее за блузку, громко затрещала разрываемая материя.

– Пятачок! – завопил он.

Татьяна с силой ударила его ногой, метя каблуком в ступню. Пух взревел от боли, на мгновение выпустил женщину и тут же получил от нее коленом в пах. Толстый костюм смягчил удар, но все-таки заставил садиста согнуться вдвое.

– Сука! – выдохнул он.

Маска съехала набок, открывая часть лица, но Таня успела заметить только мокрую от пота кожу и щетинистый подбородок.

– Эй! – тихо послышалось сзади нее.

Она обернулась.

– Бум! – сказал Пятачок, улыбнулся и впечатал ей в лоб молоток.

Раздался едва различимый хруст. Обливаясь кровью, Татьяна медленно опустилась вниз.

– Что это так бумкнуло? – озадаченно спросил мультяшный поросенок. – Звук такой, словно шарик лопнул.

– Козел, ты что наделал? – злобно прорычал Пух, выпрямился, поправил маску.

– Сам козел. У меня что, был другой выход? Я не хочу получить по яйцам от этой ненормальной.

Фальшивый медведь склонился над бесчувственной женщиной, похлопал ее по щеке. Под головой Тани расплывалось бордовое озеро.

– Жить будет, – авторитетно заявил Пятачок.

– Давай раздень ее, – хмуро сказал Пух, потирая ушибленную ступню. – Ты даже не вступился за свою женщину, Кролик, – проговорил он, обращаясь к Леониду. – Что ж, это твой выбор. Хотя у вас был реальный шанс переломить ситуацию. Эта сильная киска заслуживает другого мужа. Не обижайся, но вы не пара. Как там твой зад, кстати? Хочешь, я буду называть тебя Медовой Попкой?

– Оставьте меня в покое, – устало произнес Леонид, закрывая лицо руками.

Он мечтал только об одном – чтобы все это закончилось как можно скорее.

Через десять минут обнаженное тело Тани покачивалось на ремнях. Кровь из раны на голове монотонно капала на пол, прямо как вода из прохудившегося крана.

– Замотай ей голову и найди кошку. На людей у меня не встает, – сказал Пух, и Пятачок присел над рюкзаком.

Когда кошачья маска была найдена, он вдруг вспомнил, что бинтов у них нет.

– Возьми тряпки у Кролика. Ты поделишься своим барахлишком с любимой? – полюбопытствовал Пух.

Леонид молча снял с себя рубашку, которая из-за раны на спине медленно окрашивалась алыми узорами. Пятачок ловко разорвал ее на ленты и обмотал голову женщины. Пух шагнул к ней и ущипнул за сосок.

Татьяна открыла глаза и прошептала:

– Ты в маске.

– Да. Ты тоже будешь в маске, киска. Мур-мур, – хрипло сказал Пух и показал женщине кошачью мордочку из мягкой резины. – Ничего не поделаешь, уговор есть уговор. Это выбор твоего Кролика.

– Ты в маске, – повторила Таня.

Пух, уже начавший расстегивать ширинку, окинул ее озадаченным взглядом.

– Я не глухой, – наконец сказал он.

– Вы оставите нас в живых.

– Это пока неизвестно, – с неохотой произнес Пух.

– Ты боишься показать лицо? – спросила Таня и улыбнулась.

Ослепительно-белые зубы страшно сверкнули на ее окровавленном лице.

– Правильно, милый медвежонок. Потому что жить тебе осталось всего ничего. Попомни мои слова.

Пух равнодушно кивнул, натягивая на нее маску.

– Я очень часто это слышал, киска. Но, как видишь, пока еще жив.

– Будьте вы прокляты!

Пух рассмеялся и вывалил наружу член.

– Кролик, смотри!

Татьяна вскрикнула.

Леонид опустил голову на стол, уткнулся носом в собственную кровь и подсыхающие лужицы сгущенки. Крики невесты доносились до него словно похоронный набат.

– Мяукай, – хрипло дыша, приказал Пух. – Мяукай, кошечка!..

Таня внезапно замолчала. Она почти насквозь прокусила щеку, приказывая себе больше не издать ни звука. Она сможет.

– Мяукай! – взревел Пух.

Капли пота ручьями стекали из-под маски. Громадное тело тряслось, колыхалось студнем.

Она молчала. Лишь сжатые кулаки и ногти, вонзившиеся в ладони, буквально вопили о том, что сейчас приходилось испытывать этой женщине.

– Кролик, мяукай ты! – заорал Пух. – Или я трахну ее в дырку на лбу!

Пятачок пихнул Леонида. Тот пригнулся, словно в него швырнули горсть шипящих углей. Кошмар продолжался.

Он не закончится никогда!

– Мяукай, – дружески посоветовал жениху Пятачок. – Мы ведь можем передумать и опять поменять вас местами.

– Мяу, – еле слышно произнес Леонид.

– Ну вот, уже лучше. Смотри, Кролик. – Пятачок схватил за волосы голову Леонида и повернул ее в сторону экзекуции. – Гляди. Входит и выходит. Входит и выходит. Замечательно выходит!

– Еще! – брызгая слюной, вопил Пух.

Ремни, удерживающие Татьяну, неистово дергались натянутыми струнами, с потолка сыпалась пыль и труха.

– Еще!

– Мяу. Мяу, – хныча, повторял Леонид.

Он был похож на дрожащую, побитую собаку.

– Еще! Громче!

– Мяу! – заскулил жених уже громче. – Мяу, чтобы вы сдохли! Мяу, мяу! – Его глаза налились кровью, а на губах выступила слюна.

Он рыдал, рвал на себе жидкие волосы и бился головой о стол.

– Мяу! Мяу! Мяу! – Хрустнул сломанный нос, но Леонид и не думал останавливаться.

Пятачок зачарованно глазел на припадок. У него был вид человека, впервые наблюдающего северное сияние.

Вскоре Леонид рухнул в обморок.

Когда Таня увидела это, из ее груди вырвался смех.

– Эй, Кролик!

Хриплый голос, знакомый до дрожи в коленях, вырвал его из небытия. Ошалело оглядываясь по сторонам, Леонид сел, с трудом подобрал под себя ноги, коснулся распухшего носа и поморщился. Сколько прошло времени, пока он находился без сознания? Час, два?

– Давай-давай, приходи в себя, – сказал Пух.

Он сидел за столом и как ни в чем не бывало уплетал мед, черпая его пальцами прямо из банки.

– Надо же, никогда не уважал мед. Но вот стал Винни-Пухом – и полюбил.

– Где она?... – спросил Леонид и шмыгнул разбитым носом.

Пух понятиливо кивнул и указал куда-то в сторону.

Татьяна, полностью одетая, неподвижно лежала на полу. Руки были заведены за спину и связаны веревкой.

– Мы почти закончили, Кролик, – чавкая, сказал Пух. – Осталась одна маленькая деталь. Леонид смотрел на них с видом умалишенного.

– Вам мало?

– Я же предупредил тебя. Пятачок, принеси волшебную водичку и лекарство.

Мультишный поросенок нехотя слез со стула и засеменил к выходу.

«Волшебная водичка?.. О чем это он?» – подумал Леонид и поерзал на полу.

Трусы приклеились к ягодицам, измазанным медом, отчего кожа на пятой точке невыносимо зудела.

– Таня жива? – осмелился спросить он.

– Конечно, – ответил Пух, старательно облизывая ложку.

– Тогда отпусти нас! – пискнул Леонид. – Что вам еще от нас надо?

– У тебя плохая память, Кролик. Или уши серой заложило? Давно мыл свои лопухи? – Пух тщательно вытер ложку прямо о себя и закрыл банку.

– Я не понимаю, о чем ты! – прохныкал Леонид.

Голова его невыносимо болела. Мысли путались, спотыкались друг о друга как пьяные подростки на дискотеке.

– Ты забыл, что сделала с собой Белочка? – напомнил ему Пух.

«Мы трахнем твоего мужа и сожжем его лицо», – промелькнуло у него в голове.

Конечности Леонида свело резкой судорогой, лицо исказилось в гримасе.

– Нет! Хватит! Разве вам недостаточно?!

– А тебе-то что волноваться, Кролик? – удивился Пух. – За тебя твоя киска отдуваться будет. Или у тебя память отшибло, пока ты башкой о стол тут бился?

– Не трогайте ее. Пожалуйста!

– Дебилушка. Ты что, и впрямь думаешь, что я буду поливать ее бензином и жечь? Нет. Не хватало еще, чтобы вы наш уютный домик спалили.

В сарай проскользнул Пятачок. В руках он сжимал крохотный стальной термос и шприц.

– Это было бы слишком грубо и не креативно, – продолжал Пух. – Давай сюда.

Пятачок передал другу принесенные вещи и озабоченно заметил:

– Кажется, дождь собирается.

– Офигенно, – безучастно отреагировал самозванный медведь. – Я тоже помню мультик.

– Нет, на самом деле дождь собирается, – обиделся Пятачок. – Тучи все небо затянули.

– А в синем-синем небе порядок и уют, – пробормотал Пух. – Поэтому все тучки так весело поют. – Он открутил крышку и с величайшей осторожностью заглянул в термос. – Знаешь, что там внутри? – спросил этот садист, и его темные глаза нехорошо блеснули.

– Нет, – вымученно просипел Леонид.

Он попытался встать на ноги, но ему стало плохо, и он со стоном опустился на пол, перепачканный кровью и мочой.

– Там волшебная водичка. Она все меняет. В том числе и кожу. Шипит, знаешь ли. Как змея.

– И дырочки оставляет, – подхватил Пятачок.

– Если ты любишь свою киску, то тебе будет без разницы, попала ли на нее эта водичка или нет, – заявил Пух, щелкнув пальцем по термосу. – Главное ведь не то, что снаружи, верно?

– Верно, – поддержал его поганый поросенок. – Главное – внутренний мир.

– Ты очень хорошо сказал, Пятачок, – растрогался Пух. – Эти глупые люди не понимают, что самое важное – это душа, а не внешняя оболочка. Кролик, ты ведь будешь любить свою киску, какой бы она ни была?

– Вы не сделаете этого. – Голос Леонида помертвел, напоминал хруст гальки под ногами. – Вы не тронете ее...

– Ну почему же. Пятачок сделает твоей киске укол. Эта водичка, конечно, волшебная, но слишком уж ядреная. Твоя киска будет очень громко кричать, а нам это ни к чему. У нас мало времени. – Он с усилием вылез из-за стола. – Блин, чего-то я опять объелся. Надеюсь, в этот раз я пролезу в дверь. – Пух не спеша приблизился к Леониду.

– Это что? – спросил тот, хлюпнув сломанным носом.

– Ты что, тупой? – Пух добродушно усмехнулся, будто имел дело с идиотом. – Я думал, ты все понял. – Отдуваясь, он присел на корточки, слегка наклонил термос и скомандовал: – Волшебная водичка, вытекай!

Из термоса сорвалась крупная маслянистая капля. Тихо шипя, она раскаленной кометой упала на бледную кожу предплечья Леонида. Он тут же взвыл от невыносимой боли. Ему показалось, что в его руку вонзили шампур, только что снятый с огня.

– Эй, не ори! – прикрикнул на него Пух. – Ты меня сегодня утомил своим визгом! Не Кролик, а испорченная сигнализация какая-то! – Он выпрямился.

Леонид, поскуливая, расширенными глазами смотрел на крохотную дырочку в коже, от которой поднимался дымок. Кожа вокруг ранки мгновенно покраснела и начала отекать.

Пух довольно усмехнулся.

– Это «шшшш» неспроста, – таинственно сказал он. – Согласен? Знаешь, что это? Серная кислота. Ты уже сказал свое последнее слово, но мы дадим тебе еще один шанс. Тем более что твоя киска тебя не слышит. – Он потоптался на месте, словно решая в уме какое-то сложное уравнение, затем зевнул и продолжил: – Кролик, у тебя есть шанс восстановить справедливость. Я выливаю тебе на физиономию волшебную водичку, сажаю вас в машину и отвожу в ваш душный, вонючий город. Вариант номер два: порцию, которая предназначена судьбой тебе, я выливаю на твою киску. Чего ты морду-то свою воротишь? Смотри на меня! – заорал Пух, когда Леонид, роняя липкие слюны, начал по-паучьи пятиться назад.

– Винни, ты зря тратишь время, – вмешался Пятачок. – Он не любит ее.

– Это правда? – В голосе Пуха прорезались металлические нотки.

– Нет, я люблю ее, – проскулил Леонид.

– Тогда должен быть готов умереть за свою киску. Ты способен на такие жертвы?

Леонид бессильно лег на грязный пол. Сейчас он был готов умереть. Но только сразу, не мучаясь.

– Заканчивай, Винни, – с презрением сказал Пятачок.

Пух долгое время изучал фигуру, скорчившуюся на полу, после чего произнес:

– Да уж. Душераздирающее зрелище, как сказал бы Ослик Иа. Ты все-таки оказался дерьмовым Кроликом.

Леонид зарыдал, бессильно колотя руками по изгаженному полу.

Пух с торжественным видом подошел к Татьяне.

– Пятачок, сделай ей укольчик. Киска не должна проснуться.

Поросенок вразвалочку приблизился к женщине, неподвижно лежавшей на полу, и вполголоса спросил:

– Фентанил?..

– Да, как обычно.

Пятачок быстро сделал укол в шею Тане. Черты ее лица выровнялись, грудь мерно вздымалась в такт дыханию.

В полном молчании они простояли минут пять.

– Кролик! – наконец позвал Пух.

– Уйдите! – внезапно завизжал Леонид. – Я вам не кролик!

– Да, ты не Кролик. Ты куча дерьма. Даже хуже, – грустно сказал Пух, опрокидывая на лицо Татьяны термос.

Кислота сердито зашипела, расплавляя и разъедая нежную кожу женщины. Дымящееся лицо Тани начало медленно таять, словно сугроб под лучами солнца. Пятачок вынул из кармана мобильник и начал снимать происходящее на видео.

Леонид, корчась в судорогах, отвернулся.

– Оставьте ей глаза, – прорыдал он.

– А что, у Гали разве остались глаза? Поднимайся, придурок. Понесешь ее в машину, – мрачно сказал Пух, закручивая крышку термоса.

– Ты не попал ей в рот? Она может задохнуться, – озабоченно сказал Пятачок, убирая телефон.

Пух отрицательно покачал головой.

Леонида вырвало.

– Вот же в натуре debil! – изумился Пятачок. – Только обкакаться осталось. Не понимаю, как этому дурачку удавалось вести бизнес.

– Я тоже ума не приложу, – произнес Пух. – Кролики, они такие. Не только ценный мех, как говорится.

Татьяна хрипло задышала, ее тело вздрогнуло, как если бы по нему прошелся разряд тока. Из рта высунулся язык, плоть, лишенная кожи, стала покрываться грязно-серой пленкой.

– Если ты не забереешь свою женщину, то мы снова подвесим ее к потолку! – гаркнул Пух. – Ты этого хочешь?!

– До пятницы мы совершенно свободны, – подтвердил Пятачок.

Леонид поднялся на ноги, размазывая по брюкам рвоту. Его сильно шатало.

– Поднимай ее! – выкрикнул Пух, и Леонид, спотыкаясь, наклонился над хрипящей Татьяной.

От вида сырой плоти, кое-где прожженной до кости, его желудок скрутило спазмами, и он приложил неимоверные усилия, чтобы удержаться от рвоты хотя бы сейчас.

Стоная и плача, он поднял тело Тани.

Пятачок надел ему на голову черный мешок, положил руки на плечи и заявил:

– Я пойду с тобой и укажу тебе истинный путь. Чтобы ты лобик себе не расшиб по дороге.

– Пошел! – приказал Пух, и Леонид послушно заковылял к выходу.

Оказавшись в своей машине, он почувствовал себя уверенней, хотя Пятачок и связал ему руки. Негодяи посадили Татьяну рядом с ним, и ее изувеченная голова безвольно легла ему на плечо. Он вздрогнул, почувствовав теплую влагу. Танино лицо, прожигаемое кислотой, продолжало тихо шипеть, будто жило своей отдельной жизнью, независимо от тела. Постепенно и эти звуки затихли, остался лишь запах горелого.

– Пятачок, возьми марлю, – услышал Леонид немного усталый голос Пуха. – А то с нее может потечь. – Медведь закричал так, как если бы сидел в туалете, затем послышался шелест материи. – Аж весь вспотел в этом наряде, – пожаловался он.

«Переодеваются», – догадался Леонид.

Вскоре с его стороны кто-то уселся.

– Хрю-хрю, – услышал он совсем близко голос Пятачка. – Подвинься, толстяк.

Леонид безропотно передвинулся, осторожно подталкивая Татьяну. Она пугала его. Но еще больше он страшился того, что рано или поздно она придет в себя.

«Если выживет», – неожиданно подумал Леонид.

Хлопнула дверь, зашумел двигатель, и автомобиль медленно тронулся с места.

– Вот так, – резюмировал Пух. – Добро всегда побеждает зло. Знаешь, Кролик, у меня есть любимая сказка. Идет по лесу маленькая девочка. Навстречу ей выскакивает огромная Куча Дерьма и кричит:

«Маленькая девочка, я тебя съем!»

«Нет, это я тебя съем!» – ответила девочка и съела эту нехорошую Кучу Дерьма. Вот так добро в очередной раз победило зло. Кролик, ты слышишь?

Леонид без сил откинулся на спинку сиденья и плотно сжал губы. Ему было страшно даже думать о Тане.

«Выживет ли она? Бог ты мой, у нее не лицо, а сырой фарш! А если Таня умрет?!»

Его снова охватил безотчетный ужас. Он потерял ориентацию в пространстве и времени, сам того не заметив, провалился в вязкую бессознательную пустоту.

– Проснись, парень.

Чья-то рука бесцеремонно сорвала с него мешок, больно задев сломанный нос.

Леонид, щурясь, огляделся по сторонам. Они все еще были в машине. За окном начинало светать, моросил мелкий дождь.

С переднего сиденья его в упор разглядывал человек в мотоциклетном шлеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.